ОДЕССИТЫ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВСЕМИРНЫЕ ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

ГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА ОДЕССИТОВ

№ 3 (101) Сентябрь. 2017 год

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

Город Солнца

В начале июля на Ланжероне появилась новая скульптурная композиция Михаила Ревы — "Город Солнца".

Шел скульптор по городу и увидел снятую, выброшенную великолепную дверь, украшавшую когда-то вход в чей-то парадный подъезд. И поднять трудно, такая тяжелая, нашел грузовик, привез в мастерскую. И ожила эта дверь — теперь уже в бронзе. Величественная, открытая, сквозь которую с Ланжерона струятся лучи Солнца в наш город.

"Город Солнца" станет когда-нибудь такой же достопримечательностью Одессы, как "Два шара" там же, на Ланжероне.

Над этим проектом Михаил Рева работал тогда же, когда делал памятный знак для лауреатов Бабелевской премии. Он читал и перечитывал Исаака Бабеля.

"Литературный Мессия, которого ждут столь долго и столь бесплодно, придет оттуда — из солнечных степей, обтекаемых морем", — писал И. Бабель сто лет назад, находясь в Петрограде.

И ведь сбылось. Пришел. Причем не один. А целая литературная школа явилась миру — одесская, а это и сам Бабель, и Багрицкий, Ильф и Петров, Олеша, Катаев и так до М. Жванецкого и Г. Голубенко.

"Одесса — это не просто город. Это улыбка Бога" — написал Георгий Голубенко.

И совсем недавно, на последнем президентском совете Всемирного клуба одесситов, Михаил Михайлович Жванецкий сказал: "Возвращаясь каждый раз в Одессу, я возвращаюсь домой, к солнцу, к самому себе, к своим истокам".

Да, "Город Солнца" — это не мрачная утопия Кампанеллы, думавшего об уравниловке, о женщинах в общественном пользовании. Город Солнца строился Де Воланом по предначертанию Витрувия как город, в котором легко дышится и вольно живется. Таким этот город задуман, таким и выстоял два столетия.

А сегодня? Как бы продолжая мысль о том, что Одесса — это улыбка Бога, студийцы "Зеленой лампы" при Всемирном клубе одесситов выпустили только что книгу своих рассказов. Я назвал ее "Пока Бог улыбается" Пока еще Одесса остается Одессой, с ней — ее жовиальность, мудрость, ирония, толерантность.

Какие замечательные события происходили в нашем городе в это лето! Музыкальный фестиваль "Odessa classic", кинофестиваль, выставки И. Айвазовского и Е. Рахманина, вручение Бабелевской премии, в том числе — Михаилу Жванецкому специальный приз "За всё..." и Георгию Голубенко (посмертно) за развитие бабелевских традиций в книге "Рыжий город".

А еще — фестиваль книги "Зеленая волна", театральный фестиваль "Молоко"...

К тому времени, когда читатель получит этот номер газеты, откроется Биенале современного искусства, которую проводит МСИО, и будет идти подготовка к международному литературному фестивалю.

Лет двадцать-тридцать тому назад мы в шутку говорили: "Только бы не было войны". Как опасно шутить о том, что уносит человеческие жизни. Теперь я говорю самому себе — не бывает вечных войн, нужно делать всё для того, чтобы побеждал мир.

Над Одессой сегодня, 2 августа, когда пишу эту колонку, палящее солнце. Холодная зима, холодная весна... Но вот и пришло лето с августовской жарой, звездопадами.

"Поезжайте в Киев, — говорил Паниковский, — и спросите..."

Нет, дам другой совет читателю, одесситу, другу...

Поезжайте на Ланжерон и фотографируйтесь у "Города Солнца". Пройдут годы, и внуки и правнуки будут в альбомах фотографий любоваться морем, бронзовой дверью и Солнцем над вашей головой. Солнцем полна голова.

Евгений Голубовский.

Фотография Вячеслава Тенякова

Здравствуйте, господа!

Меня зовут Илья Липес. Живу в Торонто, Канада. У меня к вам просьба: я знаю, что на вашем сайте были публикации литератора Алины Иохвидовой. Она живет в Торонто, родом из Одессы. Я когда-то был с ней знаком, но потом затерялись ее координаты. Я ищу ее по поводу публикаций ее переводов в одном из журналов.

Буду вам чрезвычайно благодарен, если вы передадите ей мои координаты и просьбу связаться со мной.

Заранее благодарен.

Илья Липес.

Добрый день, Леонид. Ваше письмо с предложением ознакомиться с новым проектом Всемирного клуба одесситов — новым сайтом "Они оставили след в истории Одессы" — получила. Отправляю его дальше, своим друзьям в Америке.

Таня Неизвестная.

Леонид!

Прошу вежливо попросить Вашего коллегу еще раз подойти на кладбище (большое спасибо за зимнее посещение, но тогда снег помешал обнаружению нужной могилы).

Речь идет о сестре моей бабушки. Родилась в Одессе, затем оказалась в Ленинграде и прожила там ВСЮ блокаду — КНИГИ СОХРАНИЛА, они у нас дома. Вскоре после окончания войны умерла — в 42 года. Ее муж погиб в окрестностях Ленинграда во время его обороны.

С признательностью.

Игорь Комаровский.

Заявление

Прошу принять меня в виртуальные члены Всемирного клуба одесситов.

Я, Марк Мейлер, родился 6 июня (в один день с Иосифом Дерибасом и А.С. Пушкиным) в 1948 году в Одессе.

Учился в школе № 9, окончил Одесский мединститут в 1971-м. Жил в Колодезном переулке, 2.

В 1988-м переехал в США.

Уже 25 лет работаю в своём office Doctor of Dental Sorgery.

Живу в Monroe NJ

Хобби — двухмачтовая парусная яхта "Odessa".

С уважением — Mark Meyler.

Директору Всемирного клуба одесситов Елене Павловой.

Уважаемая Елена.

К сожалению, мы с опозданием узнали о дне рождения и юбилее большого Друга нашего клуба, Леонида Рукмана.

Но мы решили, что позднее поздравление нас немного реабилитирует, и он нас простит. Пожалуйста, передайте ему это наше поздравление.

Президент Берлинского клуба одесситов

Софья Кутевич.

Уважаемый Леонид!

Дорогой Лёнечка!

Многолетняя наша дружба и то, что большинство членов БКО — твои ровесники, позволяют обратиться к тебе просто по имени.

Все 80 членов нашего клуба сердечно поздравляют тебя, наш дорогой друг, с юбилеем!

Мы желаем тебе здоровья, счастья и долгих, до 120-ти, лет активной и плодотворной жизни!

Вторая половина твоей жизни тесно связана с ВКО, которому ты щедро отдавал все свои силы и энергию. И в том, что Всемирный клуб одесситов живёт, активно работает и известен во всём мире, есть и твоя большая заслуга. Мы тебя уважаем и очень любим!

Берлинский клуб одесситов имени Юрия Курильского.

"Здравствуйте

Папа умер сегодня утром.

Пусть ему земля будет пухом.

Аделина".

Это пришло на мою почту час назад. Обожгло адресом. Миша давно уже не мог писать письма.

Я знала, что такое известие — на пороге. Я даже просила Судьбу, чтобы...

Но вот сижу, пытаюсь найти слова... Уже откликнулась прекрасный журналист Бэлла Кердман, которая писала о Михаиле Обуховском статью; знаю, что сейчас позвонят друзья. Те, кто имеет больше прав на это звание, чем я.

Я давно задумывалась над вопросом: когда малыш приводит с детской площадки впервые встреченного сверстника и говорит маме, что это его друг, он делает это по наивности, или... или подсказывает интуиция?

Ведь и я не считаю, что сначала нужно съесть с человеком пуд соли. Я тоже сразу определяю: это мой человек, я могу доверить ему мои боль и радость. Количество встреч, расстояние между городами, странами и даже континентами значения не имеет. Мне совсем неважно, знаю ли я их повседневные заботы. Но когда у них горе, железной скобой стягивает душу.

А когда кто-то из них уходит...

Моя "детская площадка", на которой я в августе 2008 года нашла Друга, расположилась в "Одноклассниках".

Некто Михаил Обуховский, живший во Франции, искал одноклассников и поместил фотографию выпуска 1959 года.

Это была моя школа, мои учителя. Я даже не сразу сообразила, что Михаил Обуховский в июне сдал свои выпускные экзамены, а я впервые прошла по натёртым до блеска деревянным полам нашего школьного коридора в сентябре. Именно тогда впервые мальчишки и девчонки начали учиться вместе.

Через 50 лет два выпускника 57-й одесской школы встретились в странно сложившемся пасьянсе, чтобы на свет появилась книга Михаила Обуховского "Джазовые вариации на тему Одессы".

Через 50 лет Судьба сделала мне необыкновенно щедрый подарок — подарила мне Друга, Собеседника, о котором можно только мечтать. Мне везло на друзей. Я понимаю, как много во мне от них. Трудно поверить, что и после 65-ти ещё можно придавать душе новые формы, но Миша был тем скульптором, которому это было под силу.

Я писала о Мише много и с удовольствием. А сейчас не могу найти слова. Хотя бы чтобы поддержать жену, детей и друзей...

И... себя. Потому что я потеряла человека, которого очень любила, дружбой с которым гордилась и буду гордиться.

И я знаю, что в разных странах десятки людей, которые знали Михаила Обуховского, прекрасного лектора, кавэнщика, человека глубочайшей порядочности, и те, которым я пересылала его книгу, узнав о случившемся, от всего сердца скажут: "Светлая память!"

Зина Долгова.
Израиль.

Леонид, я очень рада, что Вы встретились с Асей, внучкой, достойной своего дедушки. Ася очень скромный человек. Она занимается журналистскими расследованиями на телевидении и делает это очень мужественно. Берётся за дела, за которые мужчины побаиваются взяться.

Спасибо Вам за проект "Они оставили след в истории Одессы", папин вклад очень подробно освящён.

Всего Вам хорошего. Успехов. Будьте здоровы.

Виктория Ладыженская.

Здравствуйте!

Могли бы Вы подсказать, где можно приобрести эту книгу:

Ю. Селенс и Е. Симонович, "Краткий словарь живого одесского языка"?

Заранее благодарен.

С уважением —

Сергей Пасюк.

Большое спасибо за ответ, уважаемый Леонид! Я не интересоваться новостями клуба и Одессы не могу — я ж одесситка! Даже для мужа информация об М. Барском на сайте "Они оставили след в истории Одессы" была интересной. На соревнованиях с харьковской командой, в которой играл Борис, Марк ему предложил перейти в одесскую. Преданье старины далёкой. Будьте здоровы и счастливы!

Галина.

Леонид!

Благодарю за оперативную присылку ссылки, о которой мы говорили два часа тому назад. С удовольствием просмотрел кинофрагмент о Петре С. Столярском — "замечательном русском музыкальном педагоге".

Большое спасибо. Зайду, поговорим подробнее, если будет желание.

С уважением и благодарностью —

Леонид Кохановский.

Уважаемый Леонид, здравствуйте!!!

Сегодня получила книгу!!!

Очень довольна!

Спасибо Вам огромное!!!

Невероятно тронули забота и внимание, проявленные ко мне!!!

Еще раз огромное Вам спасибо!!!

Здоровья, удачи и всего самого наилучшего!!!

Наталья Грачева (Москва).

Добрый день!

Пару недель назад я приобрел у вас книгу Татьяны Донцовой "Молдаванка".

Т. к. я коренной одессит, родился и вырос на Молдаванке, книга произвела на меня довольно сильное впечатление.

Просьба: не можете ли вы помочь мне связаться с автором?

Заранее благодарен —

Николай Владимирович Лось.

Уважаемый Евгений Михайлович!

Наша группа "Одесса творческая" (создателем и администратором которой я являюсь) проводит литературный конкурс, посвящённый дню рождения Одессы (ко 2 сентября). Мы приглашаем к участию всех поэтов и писателей вашей студии "Зелёная лампа", а также просим Вас стать нашим экспертом. Конкурс будет демократическим: работы (вслепую — без фамилий авторов) будут оцениваться Интернет-голосованием и оценками экспертов. Очень надеемся на Вашу поддержку этого позитивного начинания.

С самыми лучшими пожеланиями —

Зоя Арова.

Женечка, добрый вечер!

Ужасно долго мы не общались — столько всего за это время произошло!

Как вы там? Я ужасно соскучилась.

Наконец-то выбираюсь в родную Одессу. Пробуду с мужем со 2 по 15 августа.

Мой муж — очень хороший поэт Илья Лируж; думаю, интересно будет всем нам пообщаться.

А может быть, и какой-нибудь творческий вечер можно будет сделать? Мы с ним часто выступаем сообща. Если это не очень сложно — было бы здорово.

Вообще очень хочется повидаться, поговорить. Надеюсь, получится? Какие планы на это время?

Всем приветы.

Обнимаю.

Ирина Егорова.

Дорогой Женя!

Отправляю небольшой материал, написанный под впечатлением от встречи с Ириной Озёрной. Поскольку сердцем она почти одесситка и публикуется в "Дерибасовской — Ришельевской", может, этот материал сгодится для "ВОН".

Только что посмотрела на компе открытие выставки Наташи Лозы — всех вас повидала. Скучаю по всем вам, по Одессе, но... пока поездка не светит.

Обнимаю.
Лена Колтунова

Дорогая Лена!

Обрадовался Вашему письму как свидетельству, что все в порядке.

Статья не для нас. И выставка не одесская, ни отец, ни сын ничего общего с Одессой не имеют.

Напишите о ком-либо из одесситов в Германии. Буду рад.

Знаю, что умер Феликс Зинько. Он много писал об одесситах.

Может, поговорите с родственниками о нем.

И пора в Одессу.

Е. Г.

Дорогой Женя!

Спасибо, что быстро откликнулись. В клуб "Одесса" я не хожу, мягко говоря, не интересно. Хотя к юбилею клуба написала, что, кстати, Вы и опубликовали в "ВОН".

Общаюсь довольно часто с Даником Призамдом — это одессит и человек творческий.

И подружилась с очень интересным человеком — музыковедом из Запорожья Еленой Коренсвит. Вообще-то она полуодесситка, притом не только по рождению и многочисленной одесской родне, но и как мама режиссера Евы Нейман. Уверена, что в Берлине есть творческая интеллигенция из Одессы, но что-то мне за четыре года обнаружить ее не удается.

Женечка, 6 сентября исполняется 110 лет со дня рождения папы.

Здесь я договорилась о вечере, и взяли мою статью о нем в "Еврейскую панораму" (это 72-полосный ежемесячник, очень, с моей точки зрения, хороший), я с ними понемножку сотрудничаю. Назвала я вечер "Сорок первый из сорока", чтобы заинтриговать, но мне сказали: "Сами позаботьтесь, чтобы пришли ваши знакомые". В общем, грустно.

Что не стало Феликса Зинько, я догадывалась. Последнее время он был совсем плох. А пару месяцев мне никак не удается дозвониться к Вере, его жене. Наверное, после его смерти дети забрали ее к себе (точнее, внуки — они в Англии, она к ним часто ездила). Попробую снова позвонить, возможно, она уже вернулась.

С Верой и Феликсом нас связывала давняя дружба. Хотя с самим Феликсом мы очень часто ссорились. Характер был очень трудный, упрямый.

Если дозвонюсь к Вере и смогу из нее что-то вытащить, то попробую что-то написать.

Ох, а в Одессу действительно пора!

Е. К.

Женя, дорогой.

Нет-нет, Рахель Гинцберг, дочь Ахад ха-Ама, жена Осоргина, которую он оставил в середине 20-х.

Она жила с Н. Макеевым, которого подобрала уже в середине 30-х Берберова, оставившая Ходасевича. Такая вот любовная кутерьма.

Рахель Гинцберг (она до конца жизни сохранила двойную фамилию Осоргина-Гинцберг) в 1935 г. приехала в Эрец-Исраэль, была адвокатом, умерла в 1957-м.

В годы своей парижской жизни (до этого она, как жена Осоргина, была выслана вместе с ним из России на "философском пароходе") РГ дружила и плотно общалась с Алдановыми, Зайцевыми, Аминадо, Ходасевичем, Вишняком. Это был ее круг. Сохранились ее письма к В.Н. Буниной (около ста), которые я готовлю к публикации. Сохранились также письма к Вишняку, которыми буду заниматься следом. Но — поразительное дело!!! — ничего пока не нашлось из ее, судя по всему, грандиозного архива: не говоря о том, что она вела активную переписку с И.А. и В.Н. Буниными (в том числе — живя в Э.-И.), это видно по ее письмам, она переписывалась со всеми названными мной выше знатными фигурами. И — ничего, ни одной бумажки! Странная история...

Поскольку о ней мало что известно, хочу восстановить хотя бы фрагменты биографии. С этой слезной просьбой обращаюсь вот к Вам. Буду чрезвычайно признателен за помощь!

Грызет, правда, сомнение: родилась ли Рахель в Одессе?

Брат Шломо — точно родился там: он был впоследствии первым послом Израиля в Италии, и о нем сохранились надежные сведения. А вот по поводу Лии (старшей сестры, пациентки Фрейда) и Рахели "спорят два города" — Одесса и Киев. Я склоняюсь все же к Одессе.

Женя, еще раз простите за этот сумбур вместо музыки!

Закругляюсь, боясь соляных паров.

Искренне Ваш —

Володя.

Премия Бабеля. Итоги первого сезона

ПРЕМИЯ БАБЕЛЯ

13 июля в Золотом зале Одесского литературного музея были в торжественной обстановке подведены итоги первого сезона награждения лауреатов премии Бабеля.

Но еще до этого, 12 июля, в Одессе состоялся массовый праздник любви к слову, к литературе. Флешмоб "Одесса читает, Одессу читают" растянулся на много кварталов от здания Литературного музея на Ланжероновской, мимо Оперного театра, по Ришельевской до памятника Исааку Бабелю. В этом литературном флешмобе приняли участие более тысячи человек.

Но вернемся к результатам конкурса.

Специальный приз "За всё..." — Михаил Жванецкий.

Специальный приз "За развитие бабелевских традиций в жанре одесского рассказа" — Георгий Голубенко (посмертно) за книгу "Рыжий город".

Третье место — Алексей Гедеонов (Киев) за рассказ "Середина снега".

Второе место — Анна Бердичевская (Москва) за рассказ "Русский доктор".

Первое место — Марианна Гончарова (Черновцы) за рассказ "Янкель, инклоц ин барабан".

Все тексты награжденных рассказов можно прочесть на сайте "Бабелевская премия" и сайте Всемирного клуба одесситов.

Е. Г.

Тина АРСЕНЬЕВА

Фатальный уголок в раю

"Пятьдесят пять лет в музее, — говорит она о себе. — Слыву стихийным бедствием: торнадо и цунами в одном лице. А всё из-за моей близости к природе".

Да уж. Если речь о ней, то непременно с полуулыбкой: то — восхищения, то — легкого, подчас досадливого, недоумения; то — умиления, словно взрослые говорят между собой об эскападах малого ребенка, их ребенка. Ну, характер!.. Темперамент сокрушительный, в гнев она впадает так же легко, как и в восторг, и выражает то и другое с полнейшей непосредственностью: пусть и в оборотах академически вежливых, но абсолютно не считаясь с условностями политеса. "После смерти я стану кошкой", — убеждена она, ибо всерьез верит в реинкарнацию, а буддизм относит "скорее, к науке, чем к религии". В ее одноэтажном жилище где-то там, на Большом Фонтане, целая комната с отдельным, по счастью, входом отведена кошкам, приваженным со всей округи. Она подкармливает и всех окрестных бездомных собак, полагая, что ответственна за их судьбу. Всё это — на скромную зарплату искусствоведа. Она убежденная вегетарианка. Она любит Христа. Просто так, без посредничеств. Она любит еврейство как начало начал человечности. Она всегда старается что-то тебе — дать. Угостить. Подарить. Но взять что-либо — чаще всего наотрез: попробуйте убедить. Ну разве что — книгу. Она выслушивает — всех. И тут же выдает вердикт. Нелицеприятный. Она говорит — формулами, афоризмами, цитатами...

И — при всех ее эксцентричностях — о ней неизменно говорят с интонацией глубокого уважения. Она — "факт музейной жизни": старейший на сегодня (с 7 января 1962 года) научный сотрудник Одесского музея западного и восточного искусства Елена Николаевна Шелестова, специалист по художественной культуре Китая и Японии. Недавно, 28 августа, ей исполнился 81 год.

Наше с ней знакомство в 1991 году началось с ее мне блиц-лекции — сравнительного анализа особенностей ритма в японском и китайском изобразительных искусствах. Будучи влюбленной в искусство Дальнего Востока чисто как театральный художник и, если честно, не особенно жалуя, за немногими исключениями, "околоведов", я в аналитические тонкости поверки алгеброй гармонии, разумеется, не вдавалась. А тут меня наповал сразили отточенность формулировок, глубина и внятность аргументации.

Это знакомство, совершенно случайное, оказалось для меня судьбоносным. Было так. В музейном фойе подошла ко мне худенькая женщина и скромно сказала: "Здесь открылась выставка моего покойного мужа — зайдите, взгляните". Из вежливости я шагнула на порог зала — а я всегда уже на пороге знаю, переступлю я его или поверну обратно... и обмерла. Это было, говорю без пафоса, как шаг в запредельный мир. Туда, где в начале было Слово, но не в форме звука или символа, каковым является буква, а Слово как первотолчок — первичное ритмическое колебание, породившее тот взрыв, из которого, так считается, возникла Вселенная. Почему "так считается"? А уж это — область недоказуемого, в коей наука перетекает в мистику и Эйнштейн принимается рассуждать о том, играет ли Бог в кости.

В этом первотолчке содержались и содержатся все возможные смыслы и понятия, выраженные впоследствии в словах и образах, звуках и изображениях. Не многим на нашей планете дано уловить всем своим естеством эту всеобъемлющую божественную энергию, эти ритмические колебания: стать своего рода космической антенной. А "местный" художник, чьи работы я тогда впервые в жизни увидела в зале ОМЗВИ, он был именно таков: он был — "проводник". Имя его — Олег Соколов. Его средством художественного выражения был — ритм; и ритм же был — содержанием его композиций. Ритмические пульсации этих графических листов воспринимались и воспринимаются как внесловесный, внеобразный, предельно насыщенный информационный поток. Как некий способ коммуникации в очень отдаленном будущем.

Олег Соколов, которого я ни разу не видела — та выставка 1991 года состоялась в первую годовщину его смерти, с порога сделал меня своим апологетом. С тех пор я немало о нем была наслышана, немало и написала на газетных страницах... да полно: не считаю я, что написала достаточно и для всех убедительно. Ибо Олег Соколов по сути своей художник настолько "впередсмотрящий", а внешние приемы так называемого абстракционизма, которому, опять же внешне, принадлежит искусство Соколова, до того растиражированы и спрофанированы, что драматическая "невстреча" художника со зрителем происходит сплошь и рядом. Олег Соколов — из области недоказуемого: из когорты великих мистиков.

И много мистического было в этом супружеском союзе: Елена Шелестова — Олег Соколов. В строгом смысле она была — его ученица; он увлек ее, уже будучи ее мужем, искусством Японии, сам оказавшись автором удивительной атрибуции: определил в музее подлинность цикла гравюр Утамаро (в 1972 году об этой сенсации сообщила миру японская "Асахи"). Ученица — да; жена — да; но — тут парадокс — вряд ли Муза: она была — Соратницей. Она была самодостаточна, правдива и непреклонна...

И, всё постигнув, на краю
У непостигнутой Вселенной
Моя троянская Елена
Мне уголок хранит в раю.

Это его стихи — о ней. Ничего себе парадокс, а? "Ничего не нужно понимать. Нужно — воспринимать", — говорил Олег Аркадьевич Соколов, художник и искусствовед энциклопедической эрудиции. Он был помимо всего графологом — умел по почерку прочесть характер и будущее. "Он раньше меня знал, что мы будем вместе", — вспоминает Елена Николаевна. "Знал" — по какой-то ее докладной записке, на которую бросил случайный взгляд в приемной. Ведь в почерке сказываются — ритмы: энергетические импульсы, к которым Соколов был чуток на грани сверхъестественного. "Он увидел в моем почерке нашу с ним общую судьбу. Бывает у них такое, у этих магов".

...Она с "красным" дипломом филфака Одесского университета поступила на работу в музей, где Олег Соколов был научным сотрудником с 1948 года. Ее восприняли скептически: "литературница" — и поставили условием выучиться на факультете теории и истории искусств; что она и проделала весьма успешно — в знаменитом Ленинградском институте имени Репина. Тогда, в начале 60-х, возникло сообщество искусствоведов-"природников": термин принадлежал авторитетному теоретику изобразительного искусства Василию Тасалову, по сути же, речь шла о новом для советского искусствоведения методе — о моделировании, в русле системного анализа.

...Олег Соколов отозвался о начинающем музейщике Шелестовой, по почерку же, так: "Это будет искусствовед экстра-класса". И не ошибся. Москва включила Елену Шелестову в десятку самых глубоких искусствоведов-востоковедов СССР. Сквозная тема Шелестовой — "реакция навязанного, или усвоенного ритма" (и супружеский союз с художником — адептом ритма — тут как перст судьбы: нашли друг друга!).

"Экстремально интересной" признали специалисты США статью Шелестовой "Дух природы в китайской и японской ландшафтной живописи", опубликованную в журнале "Язык дизайна" (г. Сан-Франциско).

"Я вначале полюбила современное искусство, а затем — Олега Соколова, — улыбается Елена Николаевна. — Я никогда не готовилась быть знаменитой. Но состоялась потому, что стала сострадательной спасательницей. Его. Кошек. Собак. Муравьев, — ("О, цветочки Франциска Ассизского!" — воскликнул, помнится, по схожему поводу искусствовед-писатель Анри Перрюшо.) — Моя миссия при Олеге была — миссия спасания".

Это истинная правда, чему живая "реликтовая" Одесса свидетель. Когда скромную выставку Соколова в Союзе писателей, состоявшуюся в 60-х, "раздолбали" сами же писатели (защищали художника только Иван Гайдаенко и Станислав Стриженюк, что требовало немалого мужества, потому что с "абстракционистами" в те "вегетарианские" годы не церемонились), когда Олега Соколова шельмовали в городских газетах, она, "троянская Елена", поддерживала мужа во всех отношениях. И морально. И материально — то есть никогда ни на что в смысле семейного благосостояния не претендуя и ничем не попрекая. И, что скрывать, физически: когда от отчаяния непризнанности, от враждебности "братьев во палитре" художник, бывало, круто "уходил в штопор" и бесчувственный лежал на тротуаре у здания пресловутого Союза...

"Мне встретился на жизненном пути гений, которого пинали и размазывали по асфальту. Спасая его, я состоялась, — говорит сегодня Елена Николаевна. — Я не горжусь. Я — подчиняюсь".

"Твоя сфера — генетика и физика", — парадоксально внушал художник жене-искусствоведу, которая с его подачи принялась всерьез изучать геологию Китая. Старожилы помнят: коллеги по живописному цеху Соколова не праздновали — его всегда окружали представители научно-технической интеллигенции. Ибо искусство Соколова — повторюсь, но тут точнее не скажешь — можно выразить чеканной формулой Марины Цветаевой: "Закон звезды и формула цветка", — открытые... во сне. Соколов ведь тоже был интуитивист и в жене ценил — интуицию.

...Впервые буквально на днях я держала в руках тетрадку, исписанную от руки: "Шесть стихотворений, посвященных моей жене, другу, соавтору Елене Шелестовой. Олег Соколов. 1972. 73. 82". "Соавтору" — дорогого стоит! Или вот: книга издательства "Искусство" 1958 года — М.А. Гуковский, "Леонардо да Винчи. Творческая биография". С дарственной надписью: "Олегу Соколову от одного из его новейших поклонников — автора этой книги, Ленинград, 2 сентября 1958 г." — автор незадолго до этого освободился из ГУЛАГа.

...Она же, Елена Шелестова, была непременной посредницей между супругом-художником и воспринимающей публикой — учеными: не единожды возила работы Олега Соколова в Казань, на конференции СКБ "Прометей" при авиационном институте, которые проводил Булат Галеев, впоследствии доктор философии, немало способствовавший популяризации сложного искусства Олега Соколова. Она же, Елена Шелестова, повезла в Японию посмертную выставку Олега Соколова: в 1991 году в Иокогаму. Как раз японцы-то искусство Соколова безусловно восприняли и приветствовали; нам с вами это еще предстоит.

"Сегодня был у меня коллекционер болгар, у него есть Пикассо и Марк Шагал, был в восторге от моих "Эвров", но денег у него нет. Я бы подарил ему "Чертово ущелье", да неудобно было — рядом двое одесских поэтов. Раздариваю иностранцам..." — почтовая карточка к жене, 1964 год. Обыкновенная история в истории искусств, да?..

"Если будешь со мной, я сделаю тебя счастливейшей из женщин", — сказал он ей однажды под платаном у окон издательства "Моряк". "Мне повезло как женщине. Я счастлива", — говорит она сегодня. Это правда.

"Видимое — временно. Вечное — невидимо", — так Он учил Ее. Нет, вы идите — и смотрите: хотя бы в Музей современного искусства Одессы, обретающийся в бывшем писательском особняке на улице Белинского. А я смиренно надеюсь, что дождусь постоянной экспозиции Олега Соколова в его родном Музее западного и восточного искусства, которому вдова и соратница Художника подарила его наследие, аккумулировавшее энергию "всеразрушающего и всеобновляющего Времени".

1979 год — шестидесятилетие Олега Соколова. Фото Ильи Гершберга

Роман БРОДАВКО

"Одесса классикс 2017"

Старинная восточная мудрость гласит: "Сколько ни говори "рахат-лукум", во рту слаще не станет". Сколько бы ни рассуждали о легендарных музыкальных традициях Одессы, о гениальных исполнителях, которые родились здесь, от одного этого статус современного международного музыкального центра город не приобретет. Этот статус складывается (завоевывается) благодаря знаковым событиям, которые происходят сегодня и к которым следует отнести Международный музыкальный фестиваль "Одесса классикс". Этот — уже третий по счету — масштабный творческий форум, инициатором проведения и президентом которого является Народный артист Украины Алексей Ботвинов, год от года расширяет рамки и вовлекает в свою орбиту именитых музыкантов. А главное — он в полной мере отвечает своему девизу: "Европейский фестиваль для европейского города!".

Филармония. День первый

Зал заполнен до отказа. Исполнителей и слушателей приветствуют председатель облгосадминистрации Максим Степанов и городской голова Геннадий Труханов. Звучат слова благодарности партнерам и спонсорам. Церемония несколько затягивает начало концерта, но публика относится к этому с пониманием: без поддержки властей и бизнесменов организовать и провести фестиваль такого масштаба невозможно.

В концерте открытия участвуют скрипач Даниэль Хоуп и Алексей Ботвинов.

Хоуп — разносторонний музыкант, который активно выступает как солист, камерный исполнитель, дирижер. Он родился в 1973 году в ЮАР. Ребенком переехав с родителями в Лондон, Даниэль обучался в Highgate School и Королевской академии музыки у Захара Брона. Уже в десять лет он выступил на британском телевидении, а в одиннадцать получил приглашение от сэра Иегуди Менухина исполнить с ним дуэты Б. Бартока на телевидении Германии. Это стало началом многолетнего артистического партнерства двух музыкантов, сыгравших вместе более 60 концертов. В 1999 году Хоуп участвовал в последнем концерте И. Менухина, сыграв с оркестром под его управлением Скрипичный концерт А. Шнитке.

Более 20 лет Даниэль Хоуп с успехом гастролирует по всему миру, как солист и дирижер выступает с лучшими оркестрами Европы. Он — автор успешных концептуальных проектов, сценарист, теле- и радиоведущий, участвует в театральных постановках, увлекается индийской музыкой и джазом. Также музыкант опубликовал три книги, ставшие бестселлерами. Одна из них — "Когда можно аплодировать?" — великолепный путеводитель для любителей классической музыки.

Открыло программу первого фестивального концерта Скерцо из сонаты F-A-E. Соната была написана по инициативе Роберта Шумана им самим и двумя его младшими коллегами, Иоганнесом Брамсом и Альбертом Дитрихом, в октябре 1853 года в Дюссельдорфе и была посвящена скрипачу Йозефу Иоахиму, с которым все три композитора дружили. В Скерцо ярко отразились творческие принципы Брамса, для которого в произведениях сонатной формы роль обоих инструментов — скрипки и фортепиано — равноценна. Эта равноценность царила на протяжении всего концерта и обнаружила полное взаимопонимание и удивительную чуткость Хоупа и Ботвинова друг к другу. Их совместное музицирование было диалогом индивидуальностей, которые творчески выигрывают от общения друг с другом.

Особенно ярко это качество проявилось в исполнении Сонаты ми-минор Эдуарда Элгара. Творчество этого интересного британского композитора известно у нас недостаточно широко. В Одессе соната исполнялась впервые и для большинства слушателей стала открытием.

Трепетная, на редкость проникновенная, исповедальная музыка сонаты проникнута искренним чувством, и оно было на редкость глубоко и точно передано исполнителями. Глубокая ансамблевая культура, безупречное понимание стиля, техническая виртуозность исполнителей с первых минут захватили публику и погрузили в стихию высоких мыслей и эмоций.

Во втором отделении Хоуп и Ботвинов мастерски исполнили миниатюры наших современников Пярта, Эйнауди и Кац-Черни. Каждое произведение, как драгоценный камушек, требовало своей огранки, и исполнители ярко продемонстрировали это.

И, конечно, никого не оставило равнодушным исполнение на бис музыки Джона Уильямса к фильму "Список Шиндлера" в переложении для скрипки и фортепиано.

Оперный театр. День второй

Три солиста, каждый — с мировым именем: Ольга Микитенко, Лена Белкина и Виталий Билый — в сопровождении симфонического оркестра под управлением Игоря Шаврука исполнили арии и дуэты из известных классических опер.

Ольга Микитенко принимала участие в прошлогоднем фестивале "Одесса классикс", и публика по достоинству оценила ее красивый, мощный, полетный голос. Сегодня эта певица востребована многими зарубежными театрами, среди которых Дойче-опера и Метрополитен-опера. С 2008 года Ольга является ведущей солисткой эссенского Aalto Theater в Германии.

Подлинным открытием для публики стала Лена Белкина. В 14 лет Лена познакомилась со своим первым педагогом по вокалу Николаем Горбатовым, который разглядел в ней незаурядный талант оперной певицы. Затем она поступила в Киевское высшее музыкальное училище им. Р. Глиэра. После окончания третьего курса училища Белкина была принята в Национальную музыкальную академию Украины им. Чайковского, в класс Героя Украины Евгении Мирошниченко. На третьем курсе она победила на Международном конкурсе вокалистов им. Б. Гмыри и получила приглашение стать солисткой Лейпцигской оперы. Там Лена Белкина дебютировала в 2009 году в партии Зайды ("Турок в Италии" Дж. Россини). Параллельно она училась в Высшей школе музыки имени Мендельсона, которую с отличием окончила в 2012 году.

Шелковое меццо-сопрано... Сколько глубины, сколько нежности, сколько поэзии в ее исполнении арии Далилы, арии Орлеанской девы, в цыганской песне и Хабанере Кармен! Голос Лены Белкиной завораживает. Ее вокальная свобода покоряет. Кажется, что для нее не существует никаких трудностей. Не зря после каждого номера зал буквально взрывался аплодисментами.

Виталий Билый в 1999 году окончил дирижерско-хоровое отделение Одесской государственной консерватории имени А.В. Нежданової, а через год — вокальное отделение консерватории (класс Ю. Тетери). В 2000 году стал солистом Одесской оперы. В 2002 году, после участия в Международном конкурсе имени П.И. Чайковского, Билый получил приглашение в московский театр "Новая опера". А в 2004 году Виталий дебютировал в Большом театре в партии Елецкого в опере "Пиковая дама" П. Чайковского.

Баритон Виталия Билого по-настоящему красив. Он покоряет богатством нюансировки, глубиной и выразительностью. Его творческая зрелость пришла с опытом и благодаря творческому общению с интересными партнерами и дирижерами. Ария Жермона, куплеты Тореадора, сцена смерти Родриго из оперы Верди "Дон Карлос", а также дуэты, исполненные с О. Микитенко и Л. Белкиной, ярко свидетельствуют о высоком мастерстве певца.

Трудное испытание выпало в этот вечер на долю дирижера Игоря Шаврука, у которого практически не было времени на репетиции с солистами. Тем не менее, Маэстро блестяще справился с задачей. Оркестр под его управлением чутко откликался на каждое намерение вокалистов и покорил высокой ансамблевой культурой.

Концертная площадка на углу улиц Ланжероновской и Пушкинской. День третий

Проведение концертов "на открытом воздухе" становится устойчивой традицией фестиваля. А главное — они вызывают интерес у многочисленной публики.

Открылась программа концерта "in open air" выступлением гостей из Киева. В 2013 году известная украинская скрипачка Мирослава Которович создала камерный ансамбль "Артехатта", объединивший одаренных молодых музыкантов. С тех пор коллектив с успехом выступает в Украине и за границей. В фестивальной программе ансамбль исполнил популярные произведения Астора Пьяццоллы и Ришара Гальяно, которые были тепло приняты публикой.

А затем публике был предложен проект Алексея Ботвинова "Музыка любви. Четыре стихии". Премьера программы с успехом прошла в минувшем концертном сезоне в зале Одесской филармонии, а затем программа была исполнена в Киеве. "Музыка любви. Четыре стихии" — вторая часть проекта, осуществленного год назад на втором фестивале "Одесса классикс" на площадке у колоннады Воронцовскоого дворца.

Музыкальное повествование "Музыки любви" построено на произведениях разных эпох и стилей, объединенных единым драматическим развитием, и сопровождается видеоинсталляциями. В исполнении Алексея Ботвинова и камерного оркестра филармонии под управлением Заслуженного артиста Украины Игоря Шаврука прозвучали шедевры Чайковского и Моцарта, а также музыка популярных авторов конца XX столетия: Филиппа Гласса, Джеймса Макмиллана, Астора Пьяццоллы, Эннио Морриконе. В программе принимала участие скрипачка Мирослава Которович.

Оригинальные видеоинсталляции представила виджей-группа "Видеоматикс" — единственная в Украине виджей-группа, работающая с классической музыкой.

Филармония. День четвертый

Одесская публика впервые встретилась с известным немецким пианистом Себастианом Кнауэром. Он родился в Гамбурге в 1971 году. За время своей впечатляющей карьеры пианист выступал в более чем 50 странах мира. Кнауэр регулярно дает концерты в лучших залах, играет с лучшими оркестрами и дирижерами. В 2012 году Себастиан Кнауэр основал Международный ежегодный фестиваль Mozart@Augsburg.

В первом отделении концерта прозвучали произведения Бетховена и Шуберта. Соната № 17 — одно из "шекспировских" сочинений Бетховена. Композитор преклонялся перед гением великого английского драматурга, мечтал сочинить оперу на шекспировский сюжет. С оперой не сложилось, зато в квартете на темы "Ромео и Джульетты", 17-й сонате и "Аппассионате" композитор достиг шекспировских высот. По мнению Ромена Роллана, соната d-moll "представляет один из наиболее поразительных у Бетховена примеров прямой речи в музыке. Это он, он сам!".

Поистине с шекспировским размахом исполнил сонату С. Кнауэр. Его исполнение воспринималось с такой свежестью, как будто мы слушали сонату в первый раз. Происходило это не потому, что исполняемое произведение трактовалось пианистом по-новому. Просто в исполнении Кнауэра все в сонате дышало живой прелестью и импровизационной свободой.

А как пленителен был Шуберт! Четыре экспромта — четыре шедевра, каждый из которых выражал яркую художественную мысль, казалось бы, возникшую внезапно, путем озарения...

А второе отделение было пиршеством музыки Гершвина и Бернстайна. Мы в полной мере ощутили наступление века джаза, который обогатил классику новыми идеями, мелодиями и ритмами.

Оперный театр. День седьмой

В заключительном концерте фестиваля выступили Бельгийский камерный оркестр под управлением Майкла Гуттмана и скрипач Вадим Репин. Гуттман принимал участие в первом фестивале "Одесса классикс" как солист, во втором фестивале — как дирижер и солист. Одесская публика имела возможность по достоинству оценить мастерство этого музыканта.

Гуттман родился в Брюсселе и в возрасте 10 лет стал самым молодым за всю историю студентом, поступившим в Королевскую консерваторию Брюсселя. Затем он окончил Джульярдскую школу в Нью-Йорке. Его последний и главный учитель — великий Исаак Стерн — привил Гуттману основы легендарной одесской скрипичной школы; поэтому Майкл Гуттман считает себя продолжателем одесской исполнительской традиции.

Майкл Гуттман — главный дирижёр Брюссельского камерного оркестра, руководитель Парижского камерного оркестра, примариус струнного квартета имени Арриаги и Танго-квартета Майкла Гуттмана, музыкальный руководитель международного фестиваля в Тоскане... Гуттман часто выступает в главных концертных залах Европы, Америки и Японии; сотрудничает с такими музыкантами, как Марта Аргерих, Питер Серкин, Джеймс Гэллвэй, и другими.

Вот уже второй год оркестр Гуттмана радует зрителей высочайшей культурой ансамблевого исполнения, ярким артистизмом и любовью не только к исполняемым произведениям, но и к пришедшей на концерт публике. Изысканно исполненные в начале первого отделения произведения Вивальди и Моцарта — реальное тому подтверждение. А затем на сцену вышел Вадим Репин...

Он был лучшим с детства, этот мальчик из Новосибирска, который попал в класс скрипки только потому, что не попал на баян — и по чудесному совпадению оказался в руках нашего земляка, одессита, величайшего педагога Захара Брона, которому Новосибирская консерватория в порядке исключения разрешила подработку в школе.

В 11 лет Репин получил золотую медаль на конкурсе Липиньского и Венявского в Польше и дебютировал с сольными концертами в Москве и Ленинграде (шел 1982 год), в 13 лет записал пластинку на фирме "Мелодия", в 14 — гастролировал в Токио, Мюнхене, Берлине и Хельсинки, в 15 — выступил в нью-йоркском Carnegie Hall.

Вадиму исполнилось 16 лет, когда он вместе с Максимом Венгеровым и Евгением Кисиным приезжал в Одессу: тогда эти в высшей степени одаренные ребята исполняли с филармоническим оркестром концерты Тихона Хренникова.

В 1989 году, выдержав 40-дневный состязательный марафон, Вадим Репин стал победителем престижнейшего Международного конкурса королевы Елизаветы в Брюсселе — самым молодым за всю его историю.

А в 1990-м, когда в СССР было совсем не до музыки, вместе с Броном и всем его классом Репин покинул страну.

"Действительно лучший, самый совершенный скрипач из тех, которых я слышал", — отзывался о Вадиме Репине один из величайших музыкантов XX века Иегуди Менухин, а берлинская газета "Tagesspiegel" назвала его "лучшим скрипачом из ныне живущих". Практически вся дальнейшая жизнь Репина проистекала на Западе. С точки зрения профессиональной карьеры, она блистательна. Репин выступает с лучшими оркестрами мира — Бостонским симфоническим и Берлинским филармоническим, Чикагским симфоническим и Кливлендским, оркестром Ла Скала, филармоническими оркестрами Лос-Анджелеса и Нью-Йорка... Он играет до 100 концертов в год на лучших музыкальных сценах мира.

В первом отделении концерта в сопровождении Бельгийского камерного оркестра Репин исполнил шедевры Чайковского: "Размышление", арию Ленского из "Евгения Онегина" в блистательном переложении нашего земляка Э. Цисельского и "Вальс-скерцо". Имя этому исполнению — само Совершенство. Великолепное владение инструментом, невероятная сценическая энергетика и глубокое проникновение в стиль исполняемых произведений — все эти качества присущи Вадиму Репину и непостижимым образом завораживают публику.

Второе отделение открылось "Мелодией" Астора Пьяццоллы, затем оркестр М. Гуттмана исполнил "Румынские танцы" Бартока. И вновь Репин... Концертная рапсодия "Цыганка" Равеля. Образцами для Равеля послужили рапсодии Листа и каприсы Паганини. Первые — по форме сочинения и его стилистике, а вторые — по степени виртуозности. Сольная партия "Цыганки" написана в блестящем концертном стиле, а партитура отмечена чертами чисто французской элегантности и истинно равелевским многоцветием.

Солист и оркестр не столько интерпретировали, сколько жили в пространстве этой музыки, наслаждаясь ее красотой, полетностью, изяществом и благородством. Зал, затаив дыхание, воспринимал рапсодию Равеля, а по окончании взорвался овациями.

Фестиваль был достоин такого финала, а финал достоин этого фестиваля.

***

Организатор и президент "Одесса классикс" Алексей Ботвинов за три года неустанного труда убедительно доказал востребованность фестиваля. Вне сомнений, одесской публике такой праздник классической музыки необходим. А досужие разговоры о том, что в наше время слушатель в Одессе уже "не тот", что он более падок на попсу, чем на академическое искусство, нонсенс.

К счастью, Одесса не утратила достойный слушательский потенциал. Меняются поколения, но дух музыкальной Одессы жив. И он будет жить, если будет поддержан крупными музыкальными праздниками — такими, как Международный музыкальный фестиваль "Одесса классикс".

"Финал гремит, пустеет зала"

ВОПРОСЫ ТЕАТРОВЕДУ ИРИНЕ АВЕРИНОЙ ЗАДАЕТ АВЕРИНА ИРИНА, ИСТОРИК

— Что для вас точка опоры в театральной жизни нашего города?

— Чтобы перевернуть мир или сдвинуть Землю? Шучу. Вопрос простой и сложный одновременно. Например, чтобы найти "точку опоры" для данного интервью, мне пришлось для самой себя ответить на вопрос: а кто читатели газеты "Всемирные одесские новости"? Как сейчас говорят — целевая аудитория. Специально пошла в клуб, полистала последние номера. Это важно. Любое послание — статья, месседж — должно быть адресным.

— А как же первостепенное — дать народу "хлеба и зрелищ"?

— Ну, этот древнейший способ удержания власти раздачей продуктов, организацией ярмарок и устроением бесплатных массовых народных гуляний был, есть и будет. Всегда были места, где было "зрелище" для разных слоев населения. Ничего плохого в этом нет. И в нашей любимой Одессе еще во времена князя Михаила Воронцова было некое увеселительное заведение "Вокзал" на улице Канатной, где, по воспоминаниям общественного деятеля, мемуариста и литератора Иосифа Чижевича, устраивались концерты и балы, "посещаемые преимущественно дамами полусвета и разгульною молодежью". С его мемуарами "Воспоминания одесского старожила" можно ознакомиться на сайте Всемирного клуба одесситов. Представители многочисленного в то время аристократического общества танцевали на балах — в Одессе сохранились еще дома, где происходили эти светские рауты. Кстати, особой популярностью пользовались костюмированные балы (тоже своего рода театр), где "не бывало костюма дешевле тысячи рублей, а большинство от 3 до 5 тысяч, не считая драгоценных камней". Именно эта публика охотно посещала также городской театр.

— На ваш взгляд, многое изменилось с тех времен?

— В вопросе "хлеба" или "зрелищ"?! Не угас ли интерес к театру с тех времен? Сейчас, как и в прежние времена, все зависит от субсидирования. Антрепренер первого городского театра — как вы помните, впоследствии сгоревшего — получал от городских властей огромную по тем временам сумму. В мемуарах И. Чижевича упоминается, что только на оркестр выделялось 80 тысяч рублей ассигнациями или 20 тысяч рублей серебром. При таких условиях и труппа была замечательная (приглашали лучших), и цены на билеты — от 30 копеек в партер (самые дорогие билеты были в ложу бельэтажа — 6 рублей). У театра были меценаты (или содержатели), благодаря которым зрители видели на одесской сцене "первых знаменитостей" того времени! Одесситы знали по именам всех оперных певцов: примадонн-сопрано, контральто, теноров, баритонов — и устраивали им бурные овации...

* * *

"Припоминаю одно представление оперы "Эрнани" (1848 г.), в которой роль Эрнани играл тенор Виани, а роль Эльвиры — Басседжио. Оба молодые, красивые, с восхитительными свежими голосами и страстной игрою, они привели публику в неописанный восторг, крикам и аплодисментам не было конца. В последнем действии, когда старик Сильва затрубил в рог сигнал, по которому Эрнани поклялся лишить себя жизни и стал прощаться с Эльвирой, восторг публики дошел до крайних пределов. Послышались рыдания. Градоначальник Казначеев, мягкосердечный, до того расчувствовался, что не мог перенести подобного финала и сгоряча крикнул полицмейстеру, чтобы тот отправился на сцену и не допустил Эрнани до самоубийства" (И. Чижевич, "Город Одесса и одесское общество. Воспоминания одесского старожила", 1879 г.).

— А сейчас наша публика изменилась?

— Думаю, что не много. По-прежнему есть те, кто готов отдать последние деньги, чтобы попасть на выступление любимого театрального артиста, и те, кто никогда не был в театре и совершенно туда не собирается, зато предпочитает "Вокзал". Мы весной проводили анкетирование, перед тем как открыть новое театральное пространство на Военном спуске, 18. Нам интересно было узнать, в какие театры ходит одесская публика (если ходит) и почему. Опрос проводился не только в Интернете, но и среди студентов вузов, посетителей салонов и т. д. Мы постарались охватить все слои общества. Приятной неожиданностью стало то, что более 30% ежемесячно посещают театр, а около 8% ходят туда каждую неделю. Почему они это делают? Эмоции! Больше всего от похода в театр люди хотят получить положительные эмоции, увидеть игру знаменитых актеров, посмотреть постановки известных режиссеров. То есть в этом пункте ничего не изменилось за последние двести лет. Для 32% театр — это интеллектуальное зрелище, заставляющее думать. Как мы и предполагали, самый популярный жанр — это комедия (70%). 47% отдали предпочтение мюзиклу, 39% и 21% соответственно — балету и опере, хотя на драматические спектакли в классической постановке пошли бы 59% зрителей. Экспериментальные постановки (квест-театр, док-театр, перфоманс, уличный, иммерсивный театр и др.) заинтересовали треть заполнивших анкеты. Это все очень обнадеживает. Значит, одесская публика по-прежнему любит театр.

— Но одесская публика тоже разная. Вы можете описать портрет одесского зрителя?

— Портрет одесского зрителя, вернее — зрительницы (80% заполнивших анкеты — женщины), выглядел следующим образом: деловая женщина (60% опрошенных работают, 24% — учатся), которая готова отдать за билет до 150 гривен и посещать театры три — пять раз в год. Причем она ходила бы чаще, если бы у нее было свободное время (60% опрошенных указали основную причину — недостаток времени). На втором месте (по 25%) оказались сразу два пункта — недостаток средств и неинтересные спектакли. Только 8% отметили, что основная причина — далеко добираться. То есть четверть опрошенных не ходят в театр из-за недостатка средств! В чем мы все недавно убедились, когда невозможно было купить билет в наш Одесский академический украинский музыкально-драматический театр им. В. Василько (все билеты на спектакли были по пять гривен). Данная акция длилась неделю, и на все спектакли были аншлаги. Вспоминаем, что когда-то билет в партер можно было купить за 30 копеек. Половину опрошенных устроила бы сумма от 50 до 150 гривен. Сейчас в Одессе лишь 11% потенциальных зрителей, которые готовы заплатить за билет в театр 300 — 500 гривен. То есть когда-то эти люди назывались аристократами.

— Но четверть потенциальных зрителей не ходят из-за того, что в театрах неинтересные спектакли, так?

— Если опираться на опрос, то — да. Не всем нужно обыкновенное, даже яркое зрелище! То есть, как и для читателей вашего издания, им нужен театр для интеллектуалов, приносящий радость.

— Классика! Кто виноват, и что же нам делать?

— Как в "Том самом Мюнхгаузене" — каждый здравомыслящий человек просто обязан время от времени хоть что-то делать! Шаг за шагом. Пертурбации, происходящие в нашей стране за последние 27 лет, образовали некую брешь среди поколений в театральном пространстве. Очень мало молодежи в режиссуре. Не самая оплачиваемая профессия. Я вижу выход в привлечении в наши театры молодежи. Два года назад на базе Одесского ТЮЗа мы провели лабораторию молодой режиссуры. Был объявлен международный конкурс, на который нам прислали 57 заявок от молодых режиссеров-постановщиков из Армении, Греции, Италии, Молдовы, Украины, Франции и России. В Одессу приехали четыре участника, которые за пять дней поставили с актерами театра 20-минутные эскизы. Мы собрали экспертный совет — театроведов, преподавателей кафедры театроведения Национального университета театра, кино и телевидения им. Карпенко-Карого, директоров и художественных руководителей театров Одессы и Киева. В театральном дворике можно было бесплатно посетить мастер-классы и лекции Влада Троицкого, Павла Руднева, Анны Веселовской, Анны Липковской, Стаса Жиркова, Светланы Свирко, Ирины Запольской. В результате молодой режиссер из Харькова Дмитрий Гусаков уже поставил два спектакля — в киевском театре "Золотые ворота" ("Чудернацькі забавки на даху", который был представлен в рамках детской программы ГогольFest — 2016) и в Одесском ТЮЗе ("Сердце в ладонях"). То есть одесский зритель может прийти в наш ТЮЗ и посмотреть постановку. Это такой шаг вперед.

— Это спектакли для детей, а для взрослых?

— Для взрослых в прошлом году были проведены две лаборатории в Киеве, на трех площадках: в Национальном театре оперетты, Центре им. И. Козловского и театре "Золотые ворота" — для режиссеров музыкального театра и для спектаклей малых форм. Участвовали восемь молодых режиссеров из разных стран — Украины, Азербайджана, Франции, России. Условия, как всегда, очень жесткие: четыре дня репетиций, пятый день — показ на зрителя. Эти лаборатории потребовали максимума усилий всех служб театров, всех актеров, которые приняли участие, и самих режиссеров. Была поставлена сверхзадача и взята сверхвысота, с которой они успешно справились и преодолели! Я им безмерно благодарна! По результатам осенних киевских лабораторий уже трех режиссеров мы поздравили с премьерами. В августе в Киев возвращается французский режиссер и будет ставить спектакль о последней неделе жизни Сталина. А в Одессе сейчас репетирует одна из участниц проекта — главный режиссер драматического театра в городе Гянджи Ирада Гезалова. У нее очень сложный материал по мотивам романа О. Бальзака "Шагреневая кожа". Еще один шаг или небольшой вклад в культурное развитие нашего города.

* * *

"Одно время на театре появилась русская оперная труппа, в которой дебютировала, впоследствии знаменитая, г-жа Лавровская. В опере "Жизнь за царя", в роли Вани, она произвела такой фурор, что после спектакля публика выпрягла из ее кареты лошадей и повезла руками в "Петербургскую" гостиницу. В корню шли градоначальник Б. и городской голова Н., а на пристяжках полицмейстер граф С. и какой-то студент. Сзади карету подталкивали студенты. После прибытия в гостиницу многочисленная толпа на улице, преимущественно студенты, вызвала Лавровскую на балкон и требовала "слова". Лавровская несколько раз выходила на балкон и, повторяя "благодарю, благодарю", бросала в публику цветами. Я шел по бульвару рядом с этой процессией и был очевидцем всего происходившего" (И. Чижевич, "Город Одесса и одесское общество. Воспоминания одесского старожила", 1879 г.).

— Легко ли было найти партнёров для проведения режиссерских лабораторий в Украине?

— Театральный мир Украины весьма пёстрый. В каждом регионе свои особенности. Но такие проекты нельзя поднять без единомышленников. Конечно, они есть. Другой вопрос, что площадки и людей-энтузиастов найти легко, а вот финансовую поддержку таким проектам — это уже вопрос другого уровня. Должны ли такие проекты финансироваться государством? Думаю, что да. К примеру, киевские лаборатории молодой режиссуры проходили при поддержке Министерства культуры Украины.

— Есть какая-то устоявшаяся форма проведения подобных творческих лабораторий?

— Основный механизм выработан опытным путем, и он остается неизменным: четыре — пять дней для репетиций и показ 20 — 30-минутного отрывка. Меняется содержание. Уже есть опыт проведения лабораторий для молодых режиссеров в театрах драмы, в ТЮЗах, в театрах кукол, в театре оперетты. На больших и камерных сценах. Может варьироваться количество участников. Максимально у нас было восемь режиссеров. Но это очень сложно технически. Ведь мы должны обеспечить всех пространством для репетиций, незанятыми актерами, декорациями, успеть выставить свет, звук и т. д. Интересный опыт был, когда в театре кукол брался один драматургический материал и восемь режиссеров ставили его в разных жанрах — лаборатория жанров. Также в партнерстве с ГогольFest участвовали в проведении режиссерско-драматургической лаборатории для детей и подростков. Это многоэтапный процесс. В августе мы собрались, чтобы познакомиться и пообщаться с детскими и подростковыми фокус-группами, которые представляли нам свое видение современного театра и главных героев. Среди нас были драматурги, режиссеры, сценографы, театральные критики, актеры, детские психологи. По результатам такого взаимодействия драматурги за месяц написали пьесы (Наталья Ворожбит, Олег Михайлов, Максим Курочкин, Наталья Блок, Оксана Савченко), которые уже режиссеры поставили и показали на фестивале. И затем в театре "Дах" шли интерактивные спектакли для детей и подростков по итогам этой лаборатории.

— Вы сотрудничали с разными театрами, не только в Украине. Можно ли сравнивать?

— Понимаете, театр — это особое пространство. В нем нет случайных людей. В основном в театрах собираются люди, преданные своей профессии. Поэтому нет никаких концептуальных различий. Особенности могут быть, но только ментальные, географические, этнические. Например, мы проводили конкурс для одного из театров в городе Душанбе. Там просто были особые условия. Меня просили учесть, что актерский состав в основном женский и нужно подобрать материал, чтобы было как можно больше женских ролей. То есть из 23 актеров — только двое мужчин. Надо было ухитриться.

— Каждый проект — отдельная история.

— Совершенно верно! И кроме моих личных историй есть истории участников, которыми они в обязательном порядке делятся после завершения проекта. У меня уже собралось их на альманах. И там кроме технических и бытовых моментов, которые, как правило, всегда решаются, интересно все, что касается творческого процесса — режиссерских мук, актерских волнений. Вот это, наверное, самое интересное. Участие в подобных лабораториях дает молодым режиссерам бесценный опыт для дальнейшей работы.

— Что порадует одесского интеллектуального зрителя в новом сезоне?

— Еще одна лаборатория! С 23 по 28 августа — потрясающий международный проект: лаборатория для молодых режиссеров в жанрах оперетты, мюзикла, рок-оперы в Одесском театре музыкальной комедии им. М. Водяного. Приглашены пять режиссеров из разных стран, у них пять дней на репетиции, а 28 августа все зрители смогут прийти и посмотреть результаты их работы. Боннин Ролан (Франция) — реквием "Pearl" ("Жемчужина"), драматург Фабрис Мелькио; Булгаков Максим — мюзикл-триллер "Странная история доктора Джекила и мистера Хайда" по роману Роберта Стивенсона; Журавкова Юлия — мюзикл "Его Высочество Кролик", музыка и либретто Романа Смоляра по мотивам сказки Алана Милна "Принц кролик"; Зеленская Екатерина — мюзикл "Кордебалет", музыка — Мэрвин Хэмлиш, либретто — Эдвард Клибэн; Спиваковский Александр — рок-опера "Иисус Христос — суперзвезда", музыка — Эндрю Ллойд-Уэббер, либретто — Тим Райс. После показа будут обсуждение и дискуссия, в результате которой определяются имена режиссеров, которые будут приглашены на постановку спектакля на сцене Одесского академического театра музыкальной комедии им. М. Водяного. Так что зрелище — гарантируем!

Фото Елены Мартынюк.

Феномен Александра Князика

Известному скульптору Александру Вениаминовичу Князику исполняется 85 лет. А он — в работе, разнообразной и постоянной: рисует, режет, лепит, не обращая внимания на дату в паспорте.

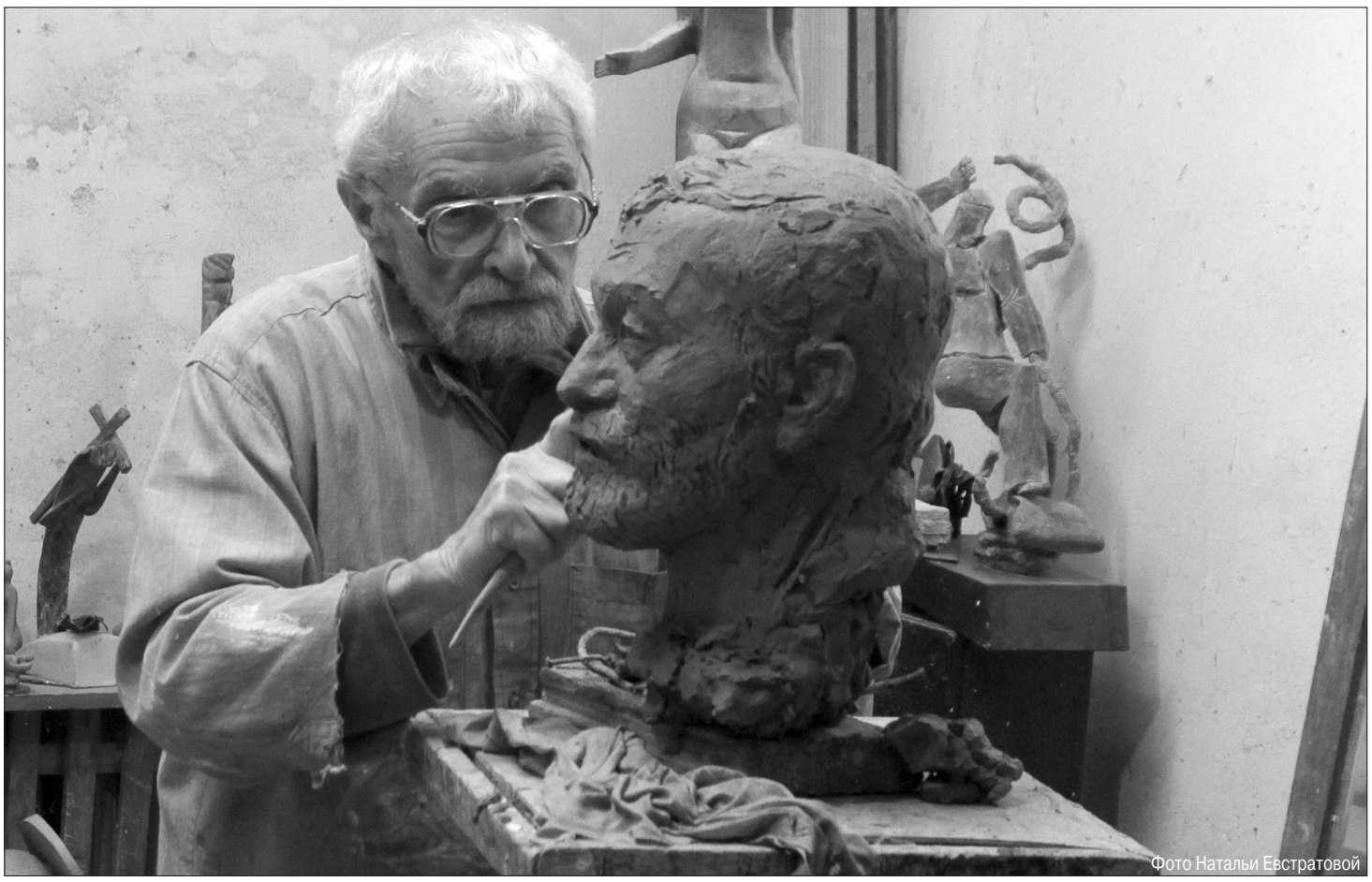


Фото Натальи Евстратовой

Писать о близком человеке очень трудно. Сколько себя помню — Алик был всегда и, надеюсь, будет как можно дольше в моей жизни. Были мама и папа, Тая (родная сестра мамы и жена Алика) и, наконец, сам Алик. Помню старую квартиру на Пастера 14, их комнату — длинную и тёмную. И Таю, которая в этой комнате умудрилась лепить дипломную работу. Помню праздники — весёлые, хлебосольные. Помню коляску с новорожденным братиком Вовой, сыном Алика и Таи. Потом мы разъехались по разным квартирам. Мы взяли с собой прабабушку Нилу, а Алик с Таей — бабушку (хотя её так никто не называл, даже правнуки, только по имени) Зину.

Когда виделись часто, когда редко. Ну, на дни рождения всегда. Правда, Алик их никогда не держал в голове и подарки, что дарил, забывал. Помню, так получилось, что Тая три года подряд уезжала в Дом творчества "Дзинтари" недалеко от Риги. Она наказала Алику обязательно поздравить сестру. И он эти три года дарил маме настольные лампы красного цвета. Но ничего, пригодились!

А по-серьезному: Алик — удивительный человек, цельный, исполин какой-то! Сейчас таких больше нет, заявляю официально! Мы все с годами меняемся в ту или иную сторону. Алик сохранил в себе удивительную ясность ума, великолепную память. О его работоспособности я молчу! С ним всегда есть о чем поговорить, не бывает томительных молчаний и долгих пауз. Алик очень много читает, прекрасно знает историю, философов, может их цитировать. Не побоюсь написать, но, по-моему, в нашем Союзе художников таких нет! Все мы какие-то поверхностные, уж простите! И не только потому, что он мой родственник! Это объективное мнение. Его скульптуры можно сразу узнать по манере, по отбору, по мастерству. Будь то скульптуры на улице или в парке или маленькие, камерные. А какие чудесные рисунки! У Алика дома висит рисунок, который он подарил Тае на день ангела. Какой потрясающий отбор, ничего лишнего, утонченность, изящество... и можно сразу узнать Таю по фигуре, по манере движения. Я люблю смотреть на этот рисунок и вспоминать.

Да, вспоминаю — с самого-самого раннего детства, разные периоды жизни. Не обязательно созваниваться каждый день с вопросом: "Как дела?" Забирал меня из роддома с дочкой Алик, когда я попала через полгода с Катюшей в больницу, а мобильных тогда не было, мама позвонила Алику домой, он поехал за Геной, папой Кати, и привез его в детскую больницу. Ну и, наконец, когда в детстве я занозила ногу и нужно было идти в больницу, именно Алик (трудно сейчас представить) нёс меня на плечах. И помню это до сих пор!

Но это для меня — Алик. Для всех, для города — Скульптор. Кто не знает его памятники — Дерибас, Высоцкий, Толстой, Маразли; десятки мемориальных досок, скульптуры в Литературном музее, "Тень Пушкина" на углу Ришельевской и Дерибасовской, "Спартак", "Девочка на дельфине".

Вот какая мысль посетила меня! Три известных художника: два скульптора — Александр Князик и Александр Токарев, график Геннадий Верещагин — по своему рождению — не одесситы, приехали в Одессу, уже окончив институты. Но сумели так глубоко своим искусством донести историю, самобытность и красоту Одессы, что стали намного одесситее одесситов, родившихся тут.

А замечательные скульптуры во дворике Литературного музея?! Первая — Одесса-мама. Стоит статная, красивая одесситка, как бы немного ветреная, поэтому на голове шапочка из парусов. И держит в своих руках детей: Деволана, Дерибаса, Ланжерона, Ришелье и Воронцова. И со слов самого автора:

Сергей ЛУЩИК

Портрет художника Т.Я. Дворникова

Вот уже скоро два года, как нет с нами Сергея Зеноновича Лущика, замечательного человека, неутомимого исследователя. Но он с нами. И мы продолжаем публиковать материалы его архива.

Портрет художника Т.Я. Дворникова (1862 — 1922) — гравюра на линолеуме — в 1960-х годах неоднократно встречался в одесских собраниях. По рассказам старожилов, гравюра прилагалась к каталогу посмертной выставки картин Дворникова, организованной в 1926 году Художественным обществом имени К.К. Костанди[1].

Прототип гравюры — акварельный портрет Дворникова работы художника Д.К. Крайнева[2], который в это время был членом того же общества им. Костанди, преподавателем одесского "політехнікуму образотворчих мистецтв" (ПОМ, бывшее художественное училище). Портрет датирован 18 мая 1922 года, т. е. создан почти за полгода до смерти Тита Яковлевича, последовавшей 28 октября.

Осенью 1925 года портрет демонстрировался на выставке картин Художественного общества имени К.К. Костанди в числе десяти работ Крайнева[3]. Этот небольшой портрет виден на сохранившихся фотографиях выставки, на стенде с работами Крайнева — средняя картина нижнего ряда[4].

В статье М. Котляра о творчестве художника она упоминается как одна из лучших его портретных работ: "Д.К. Крайнєв приділяє значну увагу портрету. [...] Найбільш вдалі акварельні портрети роботи Д.К. Крайнєва. [...] Акварельні портрети тонко відчуті, легко і прозоро написані і при старанній обробці деталей позбавлені всякої сухості. Одночасно це прекрасні психологічні етюди. Такі портрети Дерибаса [Дерибас Анны Николаевны], художника Т.Я. Дворнікова (обидва в Одеському музеї російського і українського мистецтва)..."[5].

В архиве Одесского художественного музея обнаружились любопытные документы, которые позволяют проследить историю бытования портрета. Первым известным нам владельцем портрета был известный ученый, писатель, художник-любитель А.А. Кипен[6]. В частности, в газетной статье 1939 года "Ценный дар проф. А.Б. Киппена [так в тексте]" отмечается: "Скончавшийся в конце прошлого года в Одессе профессор сельскохозяйственного института А.Б. Кипен завещал художественным музеям нашего города прекрасную коллекцию живописи и гравюр. [...] В его коллекции имеются замечательные образцы живописи, как, например... три этюда художника Дворникова, мастерски исполненный акварелью портрет художника Дворникова работы профессора Крайнева. [...] Коллекция проф. Кипена войдет в экспозицию Художественного музея и Музея русского и украинского искусства"[7]. Попала акварель к Кипену до выставки 1925 года или после — выяснить не удалось, но до самой смерти, последовавшей в 1938 году, она находилась в его собственности.

Акварельный портрет Дворникова работы Д. Крайнева и поныне хранится в коллекции произведений графики Одесского художественного музея[8]. При сравнении акварели с линогравюрой видно, что гравер старательно следовал первоисточнику: одинаковый ракурс изображения, характер освещения (пятна света и тени), общие элементы костюма (шляпа с широкими полями, пиджак, белый воротничок рубашки, галстук). Сходство во всем, кроме одной детали — четко видимый на акварели богемный бант художника на гравюре превратился в обычный официальный галстук.

Линогравюра с портретом Дворникова подписана справа внизу монограммой "СІ.", до сих пор не расшифрованной. По рассказам, гравюра была исполнена кем-то из студентов полиграфической мастерской ПОМа. Как уже упоминалось выше, автор портрета, послужившего образцом для создания гравюры, Д. Крайнев был тогда в ПОМе преподавателем, руководил живописной мастерской.

Художник К.К. Ковтурман[9], выпускник того же учебного заведения 1926 года, участник выставок Художественного общества имени К.К. Костанди, сообщил, что автором линогравюры был его соученик Константин Янчук[10], что вступает в противоречие с монограммой.

Подобная монограмма встретилась только однажды, в каталоге выставки "Книжковий

---

[1] Посмертная выставка картин Т.Я. Дворникова: каталог / вступ. ст. В.Ф. Лазурского; Художественное общество им. К.К. Костанди. — Одесса, 1926. — 12 с. — Тираж 400 экз. — выставка проходила с 15 мая по 22 июня 1926 г.

[2] Крайнев Даниил Карпович (1872 — 1949) — живописец, педагог. Окончил Одесскую рисовальную школу и Академию художеств в Петербурге. С 1901 г. преподавал живопись в Одесском художественном училище. Член Товарищества южнорусских художников и Художественного общества им. К.К. Костанди, участник выставок этих объединений.

[3] Каталог осенней выставки картин / Худож. общество им. К.К. Костанди. — Одесса, 1925. — Тираж 500 экз. — С. 8, № 215 — 224 ("Д.К. Крайнев. [...] 217. Портрет художн. Т.Я. Дворникова †").

[4] Комплект из восьми фото с интерьерами выставки о-ва им. Костанди находился в собрании С.З. Лущика среди архивных материалов Д.К. Крайнева. В 2009 г. материалы были переданы владельцем в ГАОО (фонд С.З. Лущика). — Прим. Г.Г. Лущик.

[5] Котляр М. Д.К. Крайнєв // Образотворче мистецтво. — 1939. — № 9. — С. 6.

[6] Кипен Александр Абрамович (1870 — 1938) — ученый-виноградарь, писатель, художник-любитель, коллекционер. Один из учредителей и председатель Общества им. Костанди (1922 — 1929), участник всех выставок Общества.

[7] Ценный дар проф. А.Б. Киппена // Большевист. знамя. — Одесса, 1939. — 27 февр., № 47 (340). — Газетная вырезка. — Архив ОХМ.

см. также: Акт. Одесса 9 ноября 1938 года ("...комиссией принят дар в память профессора А.А. Кипена от его сестры Евгении Абрамовны Кипен, нижеследующие произведения искусства: ... 11. Крайнев. Портрет худ. Дворникова акв."; Каталог выставки приобретений 1938 года / Музей рус. и укр. искусства; Гос. худож. музей. — Одесса, 1939. — Машинопись. — Архив ОХМ. — Сообщил С.А. Седых.

[8] Одесский художественный музей. Графика. Скульптура: каталог. — К., 1974. — С. 125: ил. [разд. "Сов. графика"]. Исходя из материалов архива ОХМ (см. прим. 7), информация в каталоге "Работы приобретены у автора. 1946" является ошибочной.

[9] Ковтурман Константин Кононович (1895 — 1974) — график. Учился на живописном отд-нии Одесского художественного уч-ща (1910 — 1918), затем поступил на архитектурное отд-ние, с 1922 г. — студент полиграфической мастерской В.Х. Заузе в Одесском ин-те изобразительных искусств. Окончил ин-т ИЗО в 1926 г. С 1925 г. — член о-ва им. Костанди и участник выставок объединения.

[10] Запись разговора с Ковтурманом 25 сент. 1969 г. Архив С.З. Лущика.

Сведения о К. Янчуке ограничиваются его участием в выставках ПОМа. См.: Третя відчитна художня виставка ПОМ: [каталог]. — [Одеса, 1927]. — Тираж 300 пр. — "Кімната № 6. Поліграфічна майстерня проф. В.Х. Заузе та М.І. Жука. [...] Янчук К. Ст[удент] 2 курсу. — 162 [№ по кат.] літографія"; Каталог п'ятої відчитної виставки / Одес. політехнікум образотвор. мистецтв. — Одеса, 1929. — Тираж 200 пр. — С. 6 — 8: "Поліграфічний відділ. Проф. керівники В.Х. Заузе та М.І. Жук. [...] Роботи студентів IV курсу. [...] Янчук К. 324 — 329; Янчук С. 329 — 330".

В 1927 г. он — студент второго курса, т. е. поступил в полиграфическую мастерскую в год, когда Ковтурман закончил учебу. Янчук С. — вероятно, брат К. Янчука. В каталоге "Ювілейної виставки творів художників УРСР (XX, 1917 — 1937)" (Харьков, 1938), в разделе

"Даже не совсем детей, а тех, кто, собственно, и родил саму Одессу-маму. За ее спиной — фонтан. И тот, кто бросит туда денежку, обязательно вернется к Одессе-маме, как бы далеко он не уезжал!" Лучше уже не скажешь.

И вторая скульптура — "Сашка-музыкант", исторический персонаж из рассказа "Гамбринус" Куприна. Сашка сидит на бочке, играет на скрипке, а на голове — корона. Король музыкантов Одессы сидит в полупьяной позе. Трагизм и комизм в этой фигуре, как и в жизни самого Сашки. Гениальный исполнитель, при жизни его даже сравнивали с Паганини, хотя — кто знает, одесситы любят приукрасить легенду!

Одна из последних (на сегодняшний день) мемориальная доска на улице Белинского, 13, посвященная одному из основателей футуризма Велимиру Хлебникову. Специально на открытие приехала в Одессу внучатая племянница поэта, поэт и художник. Ей очень понравилась доска её предку. "Ни в Казани, ни в Петербурге, ни в Москве нет памятных досок, а в Одессе есть!" — сказала на церемонии открытия Вера Хлебникова.

А скульптура в дворике перед Одесским художественным музеем! Её создал Князик специально к 115-й годовщине со дня открытия музея. Он изобразил собирательный образ ценителя прекрасного — посетителя, который рассматривает картину. Композиция установлена на постаменте в виде невысокой греческой колонны у главного входа.

В работах Алика переплетаются античная, религиозная и философская тематики. При этом персонажи отображают собой игру воображения и в то же время — игру условностей.

Сам Князик как-то сказал: "Я много повидал на своем веку, но есть вещи, которые я делаю для себя и своего личного восприятия. Это могут быть достаточно трогательные и эмоциональные вещи. И то, что я показал сегодня, это мой мир. Я живу в этом мире. Он для меня дорог тем, что я его выдумал".

Нужно вспомнить памятник В. Высоцкому напротив Одесской киностудии. Место выбрано не случайно. В. Высоцкий снялся тут в восьми фильмах. Сам Князик так описал свою работу, лучше автора не скажешь: "Высоцкий — прежде всего, глубоко сострадавший и эмоциональный человек. В нём огромная энергия и мятежный дух. Основным мотивом послужила песня "Парус", символ жизни и движения. Динамичная, летящая фигура на фоне порванных парусов — это пластическое, зримое отображение его образа. Второй смысл композиции — намёк на разломанную крестовину мачты, как символ заключённого и как бы распятого человеческими страстями Духа".

Еще одна цитата: "Мне кажется, что искусство — это игра воображения, игра в условность. Весь вопрос заключается в том, насколько убедителен будет художник в своей игре и может ли он убедить зрителя". Тут вспоминаются и "Девушка на дельфине", и "Спартак" возле стадиона. Князик в "Спартаке" даёт новое истолкование образа предводителя восставших рабов. Спартак как бы призывает людей на стадион. Он показан в сложном ракурсе, голова и ноги — в профиль, а торс — в фас, Князика привлекают условность языка искусства греческой архаики и Древнего Египта.

Тут, конечно, нужно вспомнить о Тае, о тёте Тае, жене Алика. Больше пятидесяти лет вместе! Хрупкая, небольшого роста, с "хвостиком" — это женщина с твёрдым характером, большой силой воли. Пятьдесят лет вместе, а им было всегда о чем поговорить, конечно же, об искусстве, литературе, обо всём, советовались с друг другом о работе. Тая была прекрасным, самобытным скульптором, не похожим на Князика. Подвижная, быстрая, лёгкая на подъём! Один случай: едем мы втроём, ещё с моей подругой Олей, в трамвае. Это было недавно. Тая села на переднем кресле, заходит грузная женщина, явно на 15 лет моложе. Тая вскакивает, как школьница: "Садитесь, пожалуйста, я ещё могу постоять!" И она была во всём такая быстрая, стремительная, любившая мужа и сына. Увы... Дальше не продолжаю...

Но жизнь и творчество продолжаются, Алик Князик говорил: "Мир, окружающий нас, прекрасен, но художник должен создать свой собственный мир со своими акцентами, создать то, чего нет в действительности. Это и есть момент творчества. Конечно, такое отношение к искусству может выглядеть как вызов, но без вызова невозможно создать ничего нового и оригинального".

И на этой цитате хочется — нет, не закончить, а поставить многоточие. Грядёт выставка, где будет много работ, и новых тоже. И будут искусствоведы, будут писать детальнее, будут брать интервью. Всё будет, будем жить. А мой рассказ как бы изнутри, так как я —

Галина ПАВЛЮК,
племянница,
живописец,
член СХ Украины.

знак" студентов полиграфической мастерской ПОМа 1929 года. Многие книжные знаки, вошедшие в каталог, были выполнены студентами политехникума для себя либо для своих соучеников. В каталоге приведена репродукция книжного знака неизвестного лица с надписью "Из книг", автором которого значится некто Сурков, без инициалов[11]. Очевидно, книжный знак был сделан им для себя. Напрашивается предположение, что Сурков является и автором линогравюры. Двумя годами ранее, в 1927-м, Сурков участвует в 3-й отчетной выставке ПОМа как студент 2-го курса полиграфической мастерской под руководством В.Х. Заузе и М.И. Жука. Но уже в 1930 году в каталоге 3-й Всеукраинской художественной выставки среди участников отдела графики обнаруживается некий И.М. Сурков (Харьков, АХЧУ), выставивший пять графических работ, в т. ч. — две линогравюры. В справочнике "Выставки советского изобразительного искусства" он значится как Сурков Иван Матвеевич. Последний раз это имя встретилось в списке участников 3-й осенней художественной выставки в Харькове, которая состоялась в декабре 1940 года в Украинской картинной галерее[12].

К сожалению, дальнейшие разыскания результатов не дали.

Май 2008 г.
Подготовка текста к публикации —
О. Барковской.

Д. Крайнев. Портрет художника Т.Я. Дворникова. Акварель. 1922 г.

Портрет Т.Я. Дворникова. Линогравюра. 1926 (?) г.

"Живопис", на с. 51, значится: "Янчук Сергій Степанович. Київ. Народ. 1898 р., закінчив одеський художній інститут 1930 р.".

[11] Книжковий знак: роботи студентів поліграфічної майстерні: [каталог] / Одеський політехнікум образотворчих мистецтв ; вступ. ст. С.В. Ткаченко. — Одеса, 1929. — Тираж 300 пр. — С. 19.

[12] См.: Третя відчитна художня виставка ПОМ: [каталог]. — [Одеса, 1927]. — Тираж 300 пр. — "Кімната № 6. Поліграфічна майстерня проф. В.Х. Заузе та М.І. Жука. [...] Сурков. Ст[удент] 2 курсу — 27 — 29 [№ по кат.] літографії, 30 плакат, 31 — 32 портрет, 33 — 45 шкіци [эскизы, наброски]"; Каталог третьої всеукраїнської художньої виставки НКО УСРР. — Харків, 1930 — 1931. — С. 30, 48; іл. 2; Выставки советского изобразительного искусства: справочник. В 5 т. — М., 1965 — 1981.— Т. 1. — 1965. — С. 358, 371, 529; Т. 2. — 1967. — С. 406, 547.

Сергей ОСТАШКО

Памяти Ирины Ратушинской

5 июля ушла из жизни Ирина Борисовна Ратушинская.

А для нас, ее одесских друзей — просто наша Ирка.

Поэт, писатель, диссидент, политзаключенная с самым большим в послесталинский период женским сроком.

Но это было уже позже.

А раньше были одесское детство, 107-я одесская школа и первые стихи, физфак Одесского университета и первые КВН, палатка напрокат и Каролино-Бугаз.

Помню, как, поехав в Симферополь навестить в армии Иркиного брата, мы за три дня облазили весь Крым.

Потом были 9-я школа и ученики, которые боготворили свою учительницу физики Ирину Борисовну.

А потом что-то случилось.

Помню, как в последнюю ночь перед ее отъездом в Киев к будущему мужу мы сидели на бульваре и Ирка выкладывала душу:

— Всё! Не могу больше этого выдерживать! Я буду с ними бороться!

— А как же?.. — робко возразил я, ведь раньше на любые авантюры мы всегда подписывались вместе.

— Тебе нельзя, — рассудительно сказала Ира. — У тебя жена и сын. А я пока свободна.

Потом, уже в Киеве, были протестные письма, интервью "вражеским голосам" и стихи, стихи, стихи...

Помню, как нас, Иркиных одесских друзей, по одному таскали на улицу Бебеля, 43 в надежде накопать компромат. И не накопали.

Потом был суд, где чуть ли не главным доказательством антисоветской деятельности Ирины было ее стихотворение "Родина", написанное еще в Одессе.

Потом были мордовский лагерь, так пронзительно нарисованный Ирой в автобиографической книге "Серый — цвет надежды", и неожиданное освобождение в канун рейкьявикской встречи Рейгана и Горбачева. Позже выяснилось, что Ирино освобождение было одним из условий этой встречи.

Потом было иезуитское предложение КГБ: "Вы не хотите поехать за границу подлечиться?" (Это после четырех с половиной лет лагерей!) И мгновенное лишение советского гражданства, едва Ира с мужем пересекли границу.

Долгая жизнь на чужбине: сначала в Америке, потом в Англии; возвращение в уже постперестроечную Россию, первая книга, изданная на родине, и первый визит в родной город.

Помню, как после творческой встречи Иры с читателями в Одессе мы сидим в купе ночного поезда Одесса — Харьков и она рассказывает, рассказывает, рассказывает...

О встречах с Рональдом Рейганом и Елизаветой II. О рождении в Лондоне чудных близнецов: Сережки и Олежки. О том, каково быть человеком без гражданства.

После возвращения Ира жила с мужем в Москве, подрабатывала сценариями сериалов, а в последние годы сильно болела.

Много писала... А последний роман дописать не успела. При этой болезни чудес не бывает.

Но сейчас, хотя к горлу подступает, мне не хочется говорить о грустном. Я хочу вспомнить ту самую Ирку, веселую неунывающую, отзывчивую, которую мы любили и всегда будем помнить.

Вспомнить и представить читателям ее раннее произведение.

Ирина Ратушинская

СТАРЫЙ МОНЯ

Вы говорите, побрить и подровнять височки? Молодой человек! Вы знаете, как вам повезло? Ваша покойная мама плакала бы от радости, что вы попали к старому Моне. Ах, она еще жива? Так передайте ей привет и пожелания!

Вы знаете, что это за машинка, молодой человек? Это же настоящий "Цубербиллер", она у меня с четырнадцатого года, так что я вам скажу — я еще ни разу ее не чинил! Я с вас симфонию сделаю этой машинкой. Девушки будут на вас умирать с первого взгляда.

Что вы кричите, юноша? Ну, так что, что старый Моня увлекся, надо с этого делать несчастье? Да, у вас один височек вышел короче. Так вы думаете, небольшая асимметрия — это плохо? Это даже красиво! Когда у меня стригся господин почтмейстер, он всегда говорил: "Моня, ты же знаешь: левый височек — короче!"

И старый Моня стриг короче, потому что господин почтмейстер имел разные щеки.

...Да, я знаю, что у вас одинаковые щеки. Так я виноват, что у вас такая ординарная личность? Ничего, молодой человек, я с вас сделаю Аполлона. Когда я делал Аполлона с господина попечителя окружных гимназий, одна женщина из-за него стрелялась два раза: один раз — в себя, один раз — в него. Старый Моня всегда умел обслужить клиента.

Что вы дергаете головой, молодой человек? Вы думаете, что если вы не будете сидеть спокойно, так вы будете красивый? Не надо так думать! Ну и что же, что печет затылок? Не делайте с этого трагедию, я вас попудрю, и вы забудете, что у вас есть затылок.

...Что? У вас на подбородке засохло мыло? Я знаю, почему оно засохло? Что я, виноват, что делают такое мыло? Это же не мыло, а пародия! Когда мне доставали французское мыло "Жорж", так это же была поэма!

...Да, контрабандой доставали, конечно. Тогда люди умели жить и уважали старого Моню. Вы случайно не контрабандист, нет? Ах, студент? Кто бы мог подумать, такой приличный человек!

...Как, вы хотите сказать, что я постриг вас коротко? Вы меня обижаете. Да, это бобрик, так чем вам не нравится бобрик? Супруга генерал-губернатора всегда говорила, что это не прическа, а сплошное па-де-де.

Что я делаю? Юноша, я готовлю компресс. Вы хотите уйти без компресса? Так за что старый Моня получает деньги, я вас спрашиваю? И вообще я вас не спрашиваю: старый Моня знает, что он делает клиенту. Не надо волноваться, я вам сделаю античный подбородок. Вам не говорила ваша мама, что у вас античный подбородок, нет? Так она вам скажет.

...Что вы шипите, юноша? Вам кажется, если шипеть, то компресс станет холодный? Вам нужен холодный компресс? Мне он не нужен. Не капризничайте, юноша, вы не моя теща. У вас есть теща, нет? Так у вас еще все впереди, не надо нервничать.

...Да я его снимаю. Что "слава Богу", что "слава Богу", как это — не надо одеколона? Вы не знаете, какой это одеколон. Вы такого не нюхали. Это же единственный случай в вашей молодой жизни. Если вы в таком одеколоне пойдете по улице, все скажут: "Какой молодой человек со вкусом!" — а так никто про вас этого не скажет, я вас уверяю. Вам не нравится? У вас что, полипы, юноша?

Что вы кричите? Ну и что, что течет за воротник — надо кричать? Я же не ворую у вас часы из жилетного кармана, мы же интеллигентные люди.

Приходите в следующий раз, юноша, старый Моня наведет на вас марафет. Я с вас сделаю картину "Явление Христа народу", вот что я с вас сделаю. Будьте здоровы, юноша, и не надо говорить спасибо — старому Моне все говорят спасибо, даже супруга господина генерал-губернатора.

Одесса в старых фотографиях

Ко дню рождения города в Одесском музее западного и восточного искусства открывается выставка фотографий старой Одессы, представленных городским исследовательским проектом "Старая Одесса в фотографиях": old.odessa.ua. С несколькими фотографиями выставки мы знакомим читателей газеты.

Нас много — тех, кто интересуется историей Одессы, ее обликом во все времена. Какие удивительные альбомы открыток (открИток, как шутит Олег Губарь) сохранила для нас история! Но все это многообразие, яркость, праздничность исчезают ровно сто лет назад, в окаянном 1917-м.

Выпущенные после победы совласти в Одессе открытки были, я бы сказал, идеологически выдержанными. Памятники. Плакатные лица. Умытый город.

И только фотографии — живые, часто любительские — дают нам возможность увидеть город и горожан, проследить, как менялся вид улиц и площадей, санаториев и заводов, самого одесского побережья...

Эти бесхитростные фотографии пробуждают у меня память о людях, дают возможность ощутить бег истории.

Моя 107-я школа, которую я окончил в 1953 году, находилась и находится на улице Льва Толстого. Кто сегодня расскажет, опишет, как выглядели дома на улице Толстого — от Кузнечной до улицы Новосельского? Только если у кого-то есть старые послевоенные фото. Хорошо помню, как на Соборной площади возвели композицию в честь строек коммунизма, за работой которых день и ночь из кресла следил усатый вождь. А вот что стало в это время с фонтаном, сооруженным на месте взорванного собора, не помнил. Мне казалось, что он пал жертвой того же, кто уничтожил собор. Старые фотографии подсказывают, что я ошибался — фонтан продолжал существовать за спиной вождя.

А как я жду фотографию, где в сквере Кирова (сейчас Старобазарный сквер) увижу двух гостеприимных грифонов, встречавших при входе. "Два шара" на Ланжероне запечатлены и на картинах Юрия Егорова, и на фото, а "Два грифона" живут только в памяти.

Воспринимаю эту подборку фото в газете и выставку в музее как призыв — пересмотрите в семейных архивах старые любительские фото. Ведь очень часто в кадр попадали не только ваши родные, но и Город. Сохраняйте его для себя, для потомков. Придет время, когда многое захотят восстановить, перестроить, вернуть на свои места. Уже стоят Екатерина на Екатерининской площади, собор на Соборной площади. Что будет следующим?

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

P. S. Выставка — это событие. Но создают события увлеченные люди. Эту выставку, к примеру, создали журналист Евгений Волокин и коллекционер Анатолий Дроздовский. Как же не воспользоваться случаем и не поздравить Анатолия Александровича Дроздовского с семидесятилетием.

Краевед, коллекционер, он начал собирать почтовые открытки старой Одессы. Но постепенно круг интересов увеличивался. Он оставался верен Одессе, но его заинтересовали фаянсовые тарелки, выпущенные в Англии для нашего города, с видами Одессы. А как обойтись без путеводителей, а какие интереснейшие газеты и журналы выходили в Одессе, а предметы быта? И, наконец, старая одесская фотография. Фотохудожники, держатели фотоателье...

Важно, что эта коллекция работает. Когда-то у братьев Гонкуров спрашивали, как они вдвоем работают. "Один бегает по редакциям, — отвечали они, — а второй стережет рукописи". Нечто подобное у Дроздовских. Анатолий в поиске новых экспонатов, а его жена Ева описывает находки. Так рождаются книги, статьи, участие в многочисленных выставках.

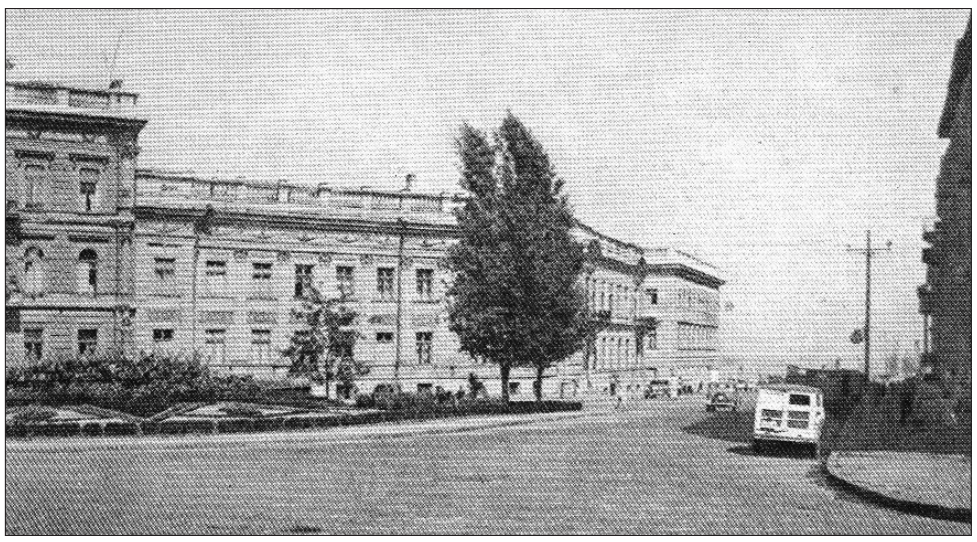
P. P. S. Смотришь на старые дома и вспоминаешь старожилов нашего города. Это я к тому, что в период между выходами нашей газеты еще два человека, преданных истории нашего города, отметили 80-летие. Это члены Президентского совета ВКО Леонид Рукман и Анатолий Горбатюк. Поздравляем юбиляров.

Е. Г.

Орловский корпус Воронцовского дворца. Фотография 1920-х гг.

Памятник Т. Шевченко, стоявший перед "Читальней" и шахматным клубом. 1962 г.

Приморская аллея Лермонтовского курорта. 1935 г.



Цветочная клумба в центре площади Карла Маркса (бывшей Екатерининской). 1956 г.

На пляже в Аркадии. 1960 г.

Греческая Свято-Троицкая церковь после разрушения купола и колокольни. 1960-е гг.

Временный выход на перрон Одесского вокзала после разрушения старого в 1944 г. и постройки нового.

Кафе "Маяк" на нижней террасе бульвара. 1950-е гг.

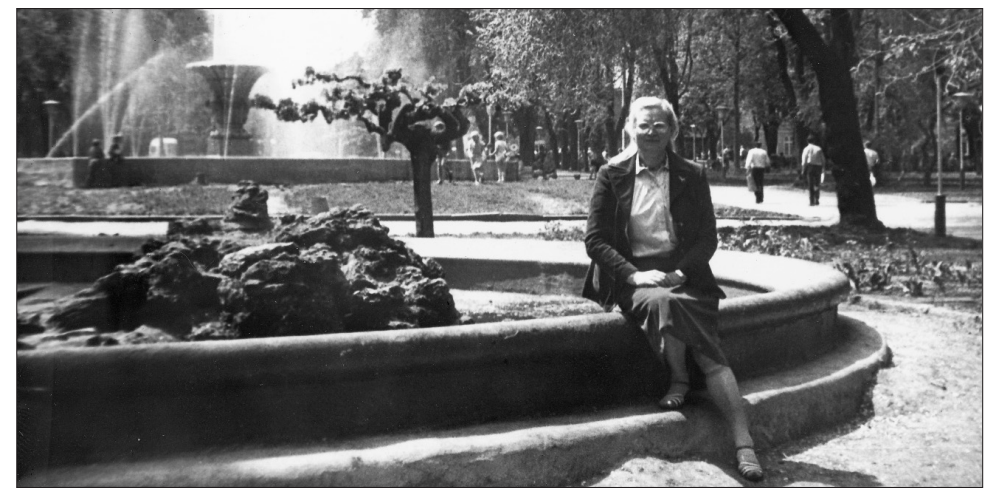
Летний театр Куяльницкого курорта. 1956 г.

На трибунах на площади им. Октябрьской революции. Начало 1950-х гг.

Вознесенская (Мещанская) церковь со стороны ул. 1905 года (Тираспольской). Фото 1930-х гг.

Грифон в сквере им. Кирова. 1957 г.

Развалины Крестьянского санатория. 1976 г.



Фонтаны на площади Советской Армии. Конец 1980-х гг.

Сергей РЯДЧЕНКО

Агнец в хризантемах

А она как-то в июле, числа двадцать девятого, поднялась еще затемно, смастерила ни с того, ни с сего убогий подрамник, приладила к нему холст, взяла в руки кисть с красками и написала к заходу солнца первую в своей жизни картину.

Непонятно, как это так получается.

Зыбко все, все на волоске. А рвется — вмиг и пучками.

Назовем ее Маргаритой.

Янтарные глаза, волосы цвета меди на солнце, безупречные черты и стремительная фигура, прибавьте к этому ум и неизменное радушие — это все и будет Маргарита. И у нее в жизни всегда все хорошо, как такой женщине и положено. Она притягивает ясную погоду и веселое настроение и одаривает ими всех, кто рядом. И те, кто знает ее с детства, рос с ней в одном дворе, на одной улице, кто ходил с ней в школу, в кино, на свидания, сидел рядом за партой и пользовался ее шпаргалками, и те, кто бывает у них в доме последние лет двадцать пять — тридцать, и к кому они в ответ частенько в гости хаживают, все мы, короче, и не мы, могут подтвердить это в любое время дня и ночи. Как и тот неоспоримый факт, что, хоть повезло, конечно, только Олимпийцу, ну, на то он и Олимпиец, но все без исключения мужчины нашей немаленькой сохранившей себя сквозь годы дружной компании в детстве, отрочестве, в юности или даже уже потом были хоть разок по уши в Маргариту влюблены. Вот такая Рита эта наша Марго. На службу ни дня не ходила, — это в наше-то время, одна из нас! — ну, разве что полторы смены пионервожатой в летнем лагере после третьего курса, и все. Провела, можно сказать, весь век домохозяйкой в башне из слоновой кости, при Олимпийце, но даже это, да простят нас господа феминистки, не причинило Маргарите никакого вреда — не отупела, не растолстела. Наоборот. Хранила очаг, следила за собой, читала хорошие книги, любила мужа, сына, папу с мамой, друзей, компании. Хорошела из года в год.

А потом.

Как справила сорокалетие, так муж — надежный, отзывчивый, сильный и красивый — бросил, ушел к другой. Активисткам движения "Все мужчины сволочи" — праздник, в их статистику прибыло. А Маргарите? И кто только ее тогда ни жалел. Говорили: "Какая несправедливость!" И она соглашалась: "Несправедливо, ох, несправедливо!" И еще говорили: "За что ж ей такое?", "За что тебе?" И она охотно подхватывала: "Господи, за что ж мне?" Олимпийцу, естественно, кости перемывали — крутили пальцами у виска, талдычили расхожее "седина в бороду, бес в ребро" и предрекали скорые разрешения такой незадачи, мол, перебесится и назад прибежит, никуда не денется, или вот, молодуха его сама выгонит, старый он ей, а Майка, спец по гороскопам, вообще, мол, что та — инопланетянка, теперь их много, проведет на мужике эксперимент и улетит восвояси, а тому ж куда? Назад в дом, как миленький, только с придурью. Верилось, ох, верилось. Но та все не улетала, и Олимпиец, с придурью или без, возвращаться не собирался.

И тут гром среди ясного неба — скончался отец, веселый, энергичный, влиятельный, в одночасье от сердечного приступа у себя в кабинете. Похоронила. А девяти дней не прошло — и мать вслед за ним. Как утешиться? Легкая смерть. Слез не было. А в том же мае-апреле воротился со срочной Станислав, сын, без ноги, на костылях, всегда нетрезвый. Заплакала. Горько плакала. Одно утешение — живой зато, но вскоре и оно как-то выдохлось. И не стало жизни. Ни прежней и никакой.

И пожар. Дом, оставленный Олимпийцем, сгорел дотла. Да что дом, едва сами выбрались. В больнице мы ее навещали кто когда, носили вкусненькое. И глаза отворачивали. Красота ее, так скажем, понесла значительный урон. А Стасу — да что после всего ему сделается? Хлебнул стакан — и доволен.

Поселилась теперь с ним Маргарита в несуразно большой оставшейся от отца квартире. Кирилл, наш давний приятель-крючкотвор, не последний человек, помогал ей отстоять сие жилье у государственного ведомства. Он и рассказывал. А мы туда уже не ходили. Вся компания, насудачившись, угомонилась и осталась при Олимпийце с молодой женой, предположительно — с Сириуса. Маргарите мы теперь лишь позванивали разок в полгода спросить, как дела и не нужна ли какая помощь. На первый вопрос Маргарита отвечала утвердительно, а на второй, соответственно, наоборот. На что жила? Бог ее знает. Помогали, конечно, кто чем иногда, а так не знаем. Думается, отход нашей компании от хоровых выступлений по оплакиванию Маргаритиных несчастий всем пошел на пользу. Мы убеждены в этом по двум причинам. Во-первых, чтобы не чувствовать себя ни в чем виноватыми, это раз. А во-вторых, ну сами подумайте.

А наш Илья, парапсихолог, тогда еще, надо отдать ему должное, не совсем сумасшедший, дал Маргарите весьма дельный совет.

— Прости, — сказал он ей, — папу с мамой за то, что умерли, Олимпийца, что разлюбил, сына, что водку пьет, и себя за обиды на них и одиночество.

— Ты, — сказала мне потом Маргарита по телефону, — действительно самый умный из моих друзей.

— А я-то при чем?

— Я ж у тебя совета просила? А ты к Илье направил. И в точку.

Понимайте, как хотите.

И вот как-то в июле поднялась она еще до рассвета и к концу дня написала на холсте маслом первую в своей жизни картину, а на следующий день — еще одну, и так каждый день в течение семи с половиной месяцев, всего двести двадцать девять картин, день в день. И, говорят, наутро после первой — "Ягненок в хризантемах" — Станислав испытал внятный импульс к новой жизни, освоил опять улыбку, норовил теперь подсобить по дому, взялся мастерить рамы, понравилось, стало получаться, смастерил себе верстак, пить не бросил, но больше не напивался, и мать не корила отныне. Тихо, без зла в сердце, освоил протез, отложил костыли, изготовил трость, а вскоре и ее, резную, на стену повесил. В их просторной квартире в старом доме на площади картины занимали все больше пространства — полкомнаты Маргариты, теперь мастерской, и целиком, штабелями, и в рамах и без рам на широких полках чуть ли не до потолка, всю комнату Стаса. В гостиной теперь стояли верстак и кровать Маргариты, а Станислав жил на кухне, на уголке, где иногда, засидевшись допоздна, курил и изучал в ночном окне свое новое отражение.

Все драгоценности Маргариты, включая обручальные, пропали в огне, ничего не осталось. Продавала по частям старинный гарнитур покойных родителей. Кое-кто из нас время от времени подбрасывал им кое-какую снедь. Михаил, по хозчасти, завозил пиломатериалы. А Олимпиец, прослышав, доставил как-то сундук с красками.

На двести тридцатый день Маргарита спала до полудня, пробудившись, не пошла к холсту, а выбрала из стопки картину в розовой раме "Старый большевик на велосипеде" и велела сыну снести в Горсад. Сама же отправилась в паспортный стол. На то, чтобы вернуть себе девичью фамилию, соблюсти Великий Пост, отоспаться и отдраить квартиру от многопылья и нечаянных красок, ушло сорок два дня, и Стас героически простоял их от звонка до звонка в Городском саду, при "Большевике на велосипеде"; большевик не походил ликом ни на кого из признанных товарищей по партии, хотя и был лысоват и большеголов и в несусветном галстуке в горошек, но напоминал лишь самого себя, розовощекого, и велосипед под ним на фоне отставного ландшафта из плакучих ив и скрипучих наличников тоже был розовый и трехколесный. Казалось, никогда с ним ничего не сдвинется. Но в конце пасхальной недели под вечер какие-то юные туристы из Западной Европы приобрели вдруг у Стаса прихваченную по случаю нездоровья резную трость за недорого, а потом уже по полной цене и самого "Большевичка". Вечерком дома Маргарите со Станиславом взгрустнулось даже, и помянули они красным вином розового олуха, дабы обиталось ему сподручней в швециях с люксембургами.

И вот на вырученные деньги закатила Маргарита банкет-торжество, как в прежние времена, для друзей-знакомых и их знакомых с друзьями, и перетекло оно естественным образом в вернисаж-распродажу. И пошло-поехало. В июле, ровно год спустя после "Ягненка", Олимпиец затащил к Маргарите галерейщика из Германии, а за ним уже объявились и из Австрии, и из Канады с Америкой.

О Маргарите заговорили вдруг все разом — и искусствоведы, и психологи, и феминистки, и гринписовцы, и телеведущие с президентами, и премьер-министры со своими супругами, а полотно "Вознесение с конем" за баснословную сумму приобрел шейх из Эмиратов.

Бум вокруг ее работ, ее имени прокатился буквально по всем континентам, и к этому Рождеству Маргарита продала и богатым снобам с ротозеями, и серьезным ценителям, и в музеи, и частным лицам всего сто сорок четыре картины, то есть двенадцать в квадрате, что вызвало бурный восторг у Майки-астролога. Ее манере наперебой навешивают ярлыки: ампирное барокко, позитивный негативизм, гиперлубок, нейромодернизм и проч.

Маргарита меньше, чем за год, разбогатела сказочно. Красоту, конечно, не вернешь, а вот уехать подальше от полудрузей с полувоспоминаниями можно. И они со Стасом перебрались в Новую Зеландию, где тот открыл фабрику по изготовлению протезов. Говорят, у него есть мечта: разыскать всех пострадавших на той долгой войне и обеспечить их безвозмездно своей продукцией. Те, кто знал его прежде, часто спрашивают, выпивает ли он; пусть спрашивают. Марк, путешественник, побывал у них и даже нырял там за жемчугом. Звала в гости и нас к себе. Картины Маргарита теперь пишет подолгу, и месяц, и два, торопиться больше незачем. Из просторного ее дома сквозь французские окна виден океан, то шторм, то зыбь, то штиль, то ураган, а у горизонта два острова — с вулканом и с пальмами, и небо в облаках, и облака без неба, и небо без облаков, а звезды по ночам в слезах, живые, и ничто никогда не повторяется ни в окне, ни в небе, ни на ее картинах, и все имеет свою цену, и все бесценно.

При отъезде Маргарита подарила каждому по работе. "Просветленный лесоруб" висит у Михаила, "Вступление Водолея" — у Майки, "Клякса в Книге Перемен" — в гостиной Кирилла, у Илюши, тогда еще при памяти, "Ослик Лао-цзы", а у Олимпийца — "Капитан воздушного шара" и "На Орионе все спокойно". Мне тоже досталось две — "Санаторий для ангелов" и "Караван твоей судьбы". В искусстве я не смыслю, но когда смотрю на них, то в груди у меня щекотно, и жить хочется.

И вот получается, что если б шло все, как заведено, то ничего б такого и не вышло, и мир бы недополучил причитающейся ему красоты. Но заведено как раз так, чтобы обязательно что-нибудь да приключалось на Земле человеку. Так нас Промысел на Путь загоняет. Аминь.

Ну что, поверили?

А тогда угадайте, где ж мы тут приврали для пущей убедительности, что в нашем рассказе для вас наименее правдоподобно. Готовы?

Ваш ответ:

.....

Вот видите, недоверие у нас вызывают только взлеты, и никогда — падения. Крепко мы приучены, чтоб настрадаться под завязку, а потом уже — в эмпиреи. Заведено у нас так, чтоб сперва бревном по башке на лесоповале, или молнией куда следует, или там цунами, арест, реанимация, тогда порядок, тогда, если у кого-то от такого зеньки вдруг бац! — и распахнулись, и видит он, слышит, поет и нюхает теперь уже не так, как мы с вами, а успешней и блистательней, то мы тут простить готовы, и все согласны: что ж вы хотите, через такое пройти! Вот и пробудился, вот и пробудилась. Короче, добро пожаловать в свет да любовь сквозь трагический катарсис апофеоза несчастий. Да что далеко ходить, я и сам Гамлета люблю.

Так вот нич-чего подобного с Маргаритой и в помине не случалось.

Олимпиец ее на месте, отзывчив и влиятелен, а если он кратковременно и оставлял Маргариту для своих космических изысканий, то нам об этом ничего не известно. У Маргариты две взрослые дочери замужем за учеными, живут в Канаде. Там и внуки с внучками. Там и выставки ее работ проходят чаще, чем в Европе. А папа с мамой у нее бодры и моложавы, увлечены зарядкой цигун и друг другом. Низкий им поклон за пример к подражанию. Дом на Фонтане — полная чаша. И никуда она из него, естественно, и не думала. Ну, и где тут почва для самораскрытия, где, укажите, толчок к внутреннему преображению?

В саду у Маргариты с утра пораньше, сразу после рыбалки, мы и заседаем нашей сквозь годы дружной честной компанией. Солнце в зените, а тут под вишней просто рай. Шутки, нам привычные, терзают столичных тележурналистов, объявившихся снимать фильм о Марго.

Недоумевают:

— Простите, вы что ж, все это тут сейчас просто так вот сочинили?

— Не все, — смеемся. — А только напасти и несчастья. И не просто так, а с умыслом. Чтоб правдоподобно. А то ж кто поверит?

— Отчего ж вы сами-то не пишете?

— Писали б, — отвечаю к радости застолья. — Да не умеем.

— Это весть такая, — говорит им Колян, мистик. — Новые времена. Не терзаться муками, а радоваться радостью. Вот в чем новость. И Маргарита ее воплощение.

— Но давайте все же размежуем правду и вымысел.

— А вы какую правду, — говорит бывалый физик Георгий, — в виду имеете? Ламинарную или турбулентную? Или так давайте глянем — корпускулярную или с природой волны? Грядет третье тысячелетие. Конкретно знать надо, к чему стремиться.

На фото — Сергей Рядченко.
Редакция поздравляет автора с 65-летием

Но журналисты — народ крепкий:

— Нет, ну, кроме шуток, господа, неужели ничего такого вообще никогда не происходило?!

— Вот видите, — говорю, — сами ж и не верите.

А Елизавета, музыковед:

— И правильно. А я им скажу! И знаете, что тогда стряслось? Маргоше сорок стукнуло, вот что. Трудно поверить, но так.

Ага, тут мы все наперебой вспоминаем, как в тот же день пропал бесследно обожаемый афганский кот Сидор, а уж потом, только потом наутро, пробудившись, Маргарита написала первую картину.

— Потрясающее знамение — белый кот! — радуется Майка, приглашая нас всех снова и снова разделять с ней ее восторг.

Журналисты переводят дух.

— Скажите, Маргарита, а правда, что Метрополитен принял от вас в дар то самое, первое, теперь такое знаменитое, полотно "Ягненок в хризантемах"? Это оно в каталоге "Lamb Amidst the Marguerites"?

— Да, — отвечает обворожительная лучистая хозяйка дома. — Нравится? Стас был против. Но потом решили: вольному воля. Как-то так.

— Какой Стас?! Вы ж говорили — две дочери. Сказали ж — никаких несчастий!

Илюша, дай ему Бог здоровья, разъясняет:

— А каким отсчетом реальности, уважаемые люди, намерены вы воспользоваться, проводя различие между успехом и катастрофой?

Телевизионщики в трансе.

Мы опять же наперебой их успокаиваем. Ну, что вы, честное слово, как дети малые? Будто не знаете, что жизнь не так проста, чтоб уложиться целиком в слова или кадры. Неужели не знаете? Жизнь проста, но поиному. Выше нос, молодые люди. И кто-то бубнит им, что феномен Маргариты уже вошел термином в новейшие монографии по теории раскрытия личности, но что именно он там теперь означает, сформулировать сколько-нибудь однозначно в рамках сегодняшней посиделки, увы, не получится. Маргарита на прощанье дарит им "Яблоко в поднебесье". Они пакуются в автобус.

— В Киев? Домой?

— Куда? Да, к себе, в Веллингтон.

Ну да, тоже верно. Пора и нам по домам.

Загостились.

Прощай, океан. Прощайте острова на горизонте.

Дай тебе Бог, Маргарита.

Людмила ШАРГА

Страницы ненаписанных книг

Город у моря был особенным. Каждому, кто впервые попадал в него, он открывал множество своих лиц и лишь немногим — лик, который и был, собственно, настоящим лицом города, о котором ходило множество мифов и легенд, и чтобы увидеть его, надо было обладать особым зрением — внутренним.

Остальные лица были обычными, ничем от других городов не отличающимися, и отыскать, на чём держалось относительно мирное сосуществование столь разных слоёв и прослоек, не представлялось возможным.

После длительного отсутствия бросалось в глаза запустение, царящее в городе. Он напоминал заброшенного ребёнка, прежде любимого, а после забытого и покинутого всеми.

Но и в таком состоянии он был прекрасен.

Когда-то на его улицах шумело море. Многие морские обитатели имели собственные домики-раковины. Приходило время, домики падали на морское дно, и так было тысячи, десятки и сотни тысяч лет. На дне из покинутых раковин сложился камень. Море отступило. Пришли люди и построили из камня-ракушечника город.

В домах из донного желтоватого камня легко дышалось, хорошо сохранялись тепло зимой и прохлада — летом.

Рядом плескалось море, и маленькие и большие его обитатели по-прежнему роняли свои домики-раковинки на дно, когда приходило время. Иногда — во время шторма — волны выносили их на берег, и люди любовались их совершенством.

Упавшие на дно раковины, смешиваясь с песком, превращались в камень, чтобы через миллионы лет море и город вновь поменялись местами и новый город возник на том месте, где пели колыбельные песни погибшим морякам печальные волны.

Дома, построенные из ракушечника, становились надёжным кровом для обитателей города на десятилетия, на несколько веков. Но и они когда-нибудь обветшают и станут песком, и на том месте, где шумел и купался в солнечном свете город, снова раскинется море, и домики-раковины будут падать на дно, смешиваясь с морским песком, чтобы стать камнем, из которого когда-нибудь выстроят дома на побережье.

И так будет всегда, пока на свете будут моря и люди и будет сам свет.

Первый трамвай увёз пассажиров к безлюдному пляжу, к тихому утреннему морю. Наплававшись вдоволь, они будут стоять у самой кромки розовеющей воды, ожидая восхода солнца и представляя, как тысячи тысяч морских обитателей растят домики-раковины, чтобы потом упасть с ними на дно, смешаться с песком и через миллионы лет стать светлым солнечным камнем, из которого люди выстроят прекрасный город, чем-то похожий на тот, что медленно и нехотя пробуждался сейчас наверху.

***

Утренние лица читаются легко, словно любимые книги. Печать дневных забот ещё не легла тёмной тенью, и лица хранят следы сновидений. Цветные и чёрно-белые, вещие и обычные, ничего не означающие, тревожные и радостные, светлые и печальные…

Сны оставляют следы на утренних лицах и улетают. Некоторые из них остаются, длятся наяву, повторяются, и тогда мы говорим: сон в руку. Но чаще всего люди забывают свои сны. Заботы дня грядущего всё перечёркивают. Довлеет дневи злоба его…

И лишь когда случается что-то, зачастую непоправимое, вспоминается сон, который снился и, оказывается, был вещим.

Сонный и неторопливый первый троллейбус везёт меня к морю.

Читаю сон женщины, одетой несколько нелепо для раннего летнего утра: чёрный шифон, шёлк, кружево и простые шлёпанцы на босу ногу. Она прикрывает глаза, томно вздыхает, словно хочет досмотреть свой сон, прерванный неприятным телефонным звонком, и раскачивается, раскачивается, раскачивается на переднем сиденье, и в такт ей раскачивается троллейбус.

На Дегтярной в полупустой салон входит человек в синей выгоревшей на солнце майке.

Он всегда садится справа у окна. Ему снились серебристые косяки рыбы. Он ездит рыбачить на Ланжерон много лет. Я не знаю, кто он и откуда, где живёт, не знаю его имени, но мы, словно давние добрые друзья, здороваемся каждое утро и улыбаемся друг другу.

Сон мальчика полон разноцветных горящих фонариков, летящих в ночном небе. Сон девочки похож на мой сегодняшний: в нём идёт летний тёплый дождь, и радуга перекинулась через омытый, сверкающий город.

Сон города. О, это удивительный сон. Когда-нибудь я расскажу, что снится приморским городам.

В этом сне мостовые и улочки сбегают к морю. Дворики, дремлющие в тени акаций, витая прохладная струя, бьющая из дворового крана, солнце, дробящееся на тысячу солнц в тяжёлых матовых гроздьях "лидии".

Девочка спускается по деревянной лестнице с галереи второго этажа…

Неужели я…

***

Что хранит в себе кровь? Она помнит все наши воплощения и воплощения наших родных — кровных, чужих — кровных. Чужая кровь становится твоей постепенно, по капле, впускает в тебя чью-то жизнь, чью-то судьбу, чью-то память.

Иногда в уличной толпе, среди сотен других лиц, взгляд выхватывает лицо случайного встречного. Оно более чем знакомо, оно кажется родным, тем, которое склонялось надо мной маленькой, в горячечном бреду разметавшейся на узкой кровати с тугой панцирной сеткой. И белое пикейное одеяльце сброшено на пол, и тревога плещется в любящих и любимых глазах отца. Рядом — на стульчике — уронив лицо в лодочку сложенных ладоней, мама, тоненькая, с растрёпанной косой, к которой мне так хочется прикоснуться. Обычно мамина коса аккуратно заплетена и убрана в строгий тяжёлый узел на затылке.

Дотягиваюсь до русых спутанных прядей, и проваливаюсь куда-то глубоко, и уже ничего не помню. Кровать плывёт, покачиваясь, по тёмной-тёмной реке, и кажется, что это не кровать, а мамины ладони, узкие, сложенные лодочкой, и я там — внутри. Отец кладёт прохладную руку на мой лоб, и становится светло, жар уходит в его ладонь, и я открываю на минуту глаза, чтобы вновь закрыть их и уснуть.

Просыпаясь, вижу за спиной отца светлую, смеющуюся женщину. Смех её серебряными шариками рассыпается по комнате и превращается в лунный свет. Эта женщина не из моей жизни и не из моей памяти, но я знаю о ней всё, потому что она — мой кровник. Её кровь — первая, отрицательный — однажды стала моей и уберегла меня от тёмной реки.

***

За больничным окном — осень. Сброшенная листва лежит рыжеватыми свитками на зелёной ещё траве. Деревья-исполины, ровесники старого кирпичного здания больницы, одной из первых в городе, шепчутся с ветром о скорой осени, и в этом шёпоте — тревога, ожидание и страх. Страх перед умиранием и новой жизнью. Деревья помнят многое, тяжелы и морщинисты их стволы.

Там, где солнечный свет падает на зеленую ещё листву, возникает удивительное свечение, и каждая прожилка листа просвечивается насквозь.

Ветка стучит в оконное стекло — просит открыть окно, наверное.

Утром на ветку прилетает синица, поёт о чём-то своём, суетится, и ветка вздрагивает, и солнечный свет растекается радужным ореолом.

Вечером прилетает другая птица — серенькая, с тонким длинным носиком, очень похожая на мухоловку. Но мух она не ловит, просто перебирает крохотными лапками, скачет по ветке, и всё ближе, ближе к окну, и вот она уже на оконном откосе. Стукнет несколько раз длинным носиком-клювом по стеклу и стрелой — на ветку.

До боли захотелось вдруг стать на какое-то время серой птичкой, чтобы взлететь на ветку, туда, где сквозь нежную прозелень сочится медовое, ярое августовское солнце, вспорхнуть на миг.

И вниз, к рыжим лиственным свиткам.

***

По седому каменному стволу старого ореха проходит муравьиная тропа.

Снуют муравьишки туда-сюда, теряются в бороздках древесной коры и снова выбегают на свет Божий. Смотрю на это броуновское движение из окна и понимаю: только непосвящённому кажется, что там, на тропе, хаос и неразбериха. На самом деле каждый муравей чётко знает, куда и зачем бежит. В отличие от нас, человеков. Суетимся, пыхтим, раздуваем щёки от собственной важности и для собственной же значимости и весомости, толкаемся, торопимся, толком не зная и не понимая, за чем и куда спешим.

Продаём. Предаём. Убиваем.

Потом оказывается, что всё, за чем бежали, переступая через всё и вся, не более чем иллюзия, плод разыгравшегося воображения. И всё, чего алкали, все добытые с таким трудом ценности — не что иное как мишура, обманка.

Переливается покрывало Майи, дрожит, волнуется.

Под ним пустота. Под ним чужие мысли и чужие слова, чужой опыт, чужие жизни и смерти…

Под ним театральные подмостки, сцена. В зрительном зале ни души. Все нынче рвутся на сцену. Туда, где бутафория и декорации. Без них уже и жить не получается.

А настоящее всё это время было рядом — стоило лишь протянуть руку.

Но разве ценим мы то, что находится рядом, что даётся легко и без усилий, без бега по кругу? Нет. Нам подавай состязания, чтобы первым прийти к финишу, чтобы медаль, и кубок, и звуки фанфар.

Не похоронный ли марш играют…

О золоте и молчании…

Кружево кофейного дыхания сжалось в тёмную точку и раскрылось золотым цветком.

Стою зачарованная, забыв обо всём, а там — под цветком — кофе.

Нет, не убежал.

Золотые лепестки вспенились и готовы были вырваться за пределы узкого горлышка, но я опомнилась и сняла турку с огня.

Цветок опал, исчез, утонул в густом горячем кофейном дыхании.

Запечатлеть не успела, но успела запомнить.

Откуда столько золотого в сегодняшнем кофейном вздохе?..

Золотое очарование. Золотые лепестки. Золотое молчание.

Вот оно. Поймала.

Молчание — золото. Молчи. И будет тебе счастье.

Молчу. Счастье стекает по оконному стеклу растаявшими снежинками.

Счастье — одна из летящих снежинок, и все они — счастье, и зовётся это счастье метелью.

Счастье — в молчащем телефоне и в телефоне оживающем, в голосе долгожданном, родном, и далёком, и таком близком.

Счастье — слышать в ответ: "Всё хорошо. Скучаю. Люблю".

Счастье — говорить в трубку, стоя у окна, за которым в лунном свете плывут лиловые январские сумерки, хрустящие и нарядные.

Огромная опаловая луна видит меня, а я вижу её — и в этом счастье.

Первое полнолуние новолетья.

Тишина и покой — снаружи. Неподъёмная тяжесть — внутри.

Почему так?

Потому что молчание — золото.

А золото — металл не из лёгких.

Не оттого ли таким тяжким грузом ложится на душу молчание?

Но ведь не всякое молчание — золото.

Как не всякое слово — серебро.

И то, что расцветает золотым внутри, опадёт ещё глубже и сохранится.

Если вовремя снять с огня.

Кто помнит о золотых лепестках, глядя на грязные потёки.

Сбежавшие слова напрасны, как правило, пусты и след оставляют грязный и дурно пахнущий.

Совсем как сбежавший кофейный выдох.

***

4 июля, день.

Мимо этого дома хожу часто — и всегда со странным чувством…

Сухие побеги плюща, напоминающие омертвевшие сухожилия, уводят в рассказы Эдгара По. Сейчас лето, и сверху дом укрыт пышной зелёной шапкой — там плющ свеж и зелен, в отличие от этой стены, выходящей в Купальный переулок, и от ворот, через которые, судя по всему, давно никто не проходил.

Но дом ещё жилой. Об этом свидетельствует живое окно под самой крышей.

Окна многое могут рассказать о жильцах. Для этого совершенно необязательно в них заглядывать — всё и так становится понятным с первого взгляда. Или со второго.

Между тем дом этот — не из обычных. "Особняк Шпенцера" — гласит табличка. Говорят, что самого особняка нет, а табличка просто перенесена на соседний с ним особняк К.Ю. Лемме.

Что ж… вполне возможно.

Моисей Липов (Филиппович) Шпенцер (1860 — 1927), одесский второй гильдии купец, отец поэтессы и писательницы Веры Инбер. До революции ему принадлежали бланкоиздательство, типография и литография, для которых он построил огромное трехэтажное здание в Стурдзовском переулке, 3 (позже — Купальный переулок, а ныне — переулок Веры Инбер).

Теперь здесь высотка.

А соседний особняк ещё жив, и кто-то ещё живёт в нём, и выглядывает в окно по утрам, и видит, как по тихому переулку текут любители ранних морских купаний и ласкового солнца.

Уже через час вид из окна будет совсем другим, да и само окно придётся закрыть, скорее всего, от шума, от гула, от наливающегося жаром воздуха.

Откроется окно лишь вечером.

Солнце уйдёт далеко на запад, чтобы упасть там за край Земли и уснуть.

Потянет ночной свежестью, можно будет расслышать голос моря.

Люблю этот переулочек, выходящий на мистическую Черноморскую улицу.

Впрочем, никакой мистики в ней нет, а есть печальное свидетельство истории: оползня, случившегося здесь в мае 1918 года. Морская сторона улицы сползла.

Но иногда в свете полной луны откуда-то снизу, со склонов, поднимаются дома, унесённые оползнем, и улица становится такой, какой была сто лет тому назад.

Луна прячется за облака, дома-призраки исчезают, да и не было их вовсе — это густой туман поднимается с моря и клубится, принимая причудливые формы.

Здесь, словно у сказочного камня на развилке, надо выбрать. Налево пойдёшь — к Паустовскому придёшь. Направо… Да мало ли, куда можно прийти, свернув направо. Главное, что если прямо пойдёшь, то непременно придёшь к морю.

Воздух плюс 28. Вода плюс 21… Песок обжигающий.

Небо далёкое и близкое, ни облачка с утра, и если не лениться и встать пораньше, то можно и на любимом камешке посидеть после купания.

А в городе событие: цветёт софора японская. Есть, конечно, ещё много событий, хороших и разных, это же Одесса, но цветущая софора — самое значительное из всех…

Владимир ХАНЕЛИС

Жизнь и судьба семьи "короля"

О судьбе дочери, жены и брата Мишки Япончика рассказывают его правнуки в эксклюзивном интервью израильскому журналисту Владимиру Ханелису.

В СМИ была опубликована моя статья "Мишка Япончик — вместо легенды" о жизни и смерти легендарного одесского налетчика и авантюриста, прототипа Бени Крика из рассказов Исаака Бабеля, Мишки Япончика. Она была приурочена к 120-летию со дня рождения Япончика. К этой же дате московское телевидение выпустило телесериал о Мишке Япончике — Михаиле Винницком.

Статья попала в точку. Только на международном еврейском сайте "Мы здесь" было зарегистрировано больше 60000 просмотров и около 100 комментариев. Особенно часто задавали вопросы о судьбе Цили, жены Япончика, и его дочери Адели. Ответа на них у меня не было…

* * *

…Телефон позвонил не вовремя. Я лежал в больнице, и мне делали очередную процедуру. Молодой женский голос сказал: "Владимир, с вами говорит правнучка Мишки Япончика, Рада. Мы — мои брат Игорь и сестра Лиля — живем в Израиле". Я записал номер ее телефона, и как только вышел из больницы, встретился с Радой и Игорем.

Но прежде чем рассказать о нашей беседе, я хотел бы напомнить читателям несколько фактов.

30 октября 1891 года в Одессе, на Молдаванке, на улице Госпитальной, 23, у еврейского мещанина, фургонщика Меера-Вольфа Мордковича Винницкого и его жены Добы (Доры) Зельмановны родился сын Мойше-Яков (в последующих документах Моисей Вольфович). Всего в семье было пять сыновей и дочь.

Впервые Моисей (Мишка), прозванный Япончиком за узкий разрез глаз, берет в руки "шпалер" в 1905 году в еврейском отряде самообороны и больше уже никогда с ним не расстается.

В 1906-м он вступает в молодежную организацию анархистов-террористов "Молодая воля".

2 апреля 1908-го Одесский окружной суд приговаривает его к 12 годам каторжных работ. В одесской тюрьме Моисей Винницкий некоторое время сидел в одной камере с Григорием Котовским.

В 1917-м Моисей Винницкий возвращается в Одессу и становится легендарным до сих пор Мишкой Япончиком, "королем" одесского преступного мира.

Он женился на красивой большеглазой девушке Циле Аверман. А еще через год у них родилась дочь Ада.

Япончик руководил примерно четырьмя тысячами одесских бандитов, которые грабили всех подряд — власть в городе менялась каждые несколько месяцев.

Решив пойти по пути старшего товарища, Григория Ивановича Котовского, он вступает в Красную армию и формирует из своих ребят 54-й стрелковый Советский Украинский полк.

Но воевал полк недолго — ребята рвались назад, в Одессу. Четвертого августа 1919 года на станции "Вознесенск" командир кавалерийского дивизиона Урсулов по приказу командования без суда застрелил Мишку Япончика.

Едва ли не в день гибели Япончика в одесской Еврейской больнице на 23-м году жизни умерла его единственная сестра — Женя.

Циля, оставив маленькую дочь Аду свекрови, уехала с мужем покойной Жени за границу. Позже она вышла за него замуж. Ада впоследствии оказалась в Баку. Там же и скончалась.

Три брата Моисея Винницкого: Абрам, Григорий и Юда — погибли на фронте во время войны. Исаак с семьей в 1970-х годах перебрался в Нью-Йорк.

— У Мишки Япончика была единственная дочь — Адель, Ада, следовательно…

— Это наша бабуля. Она умерла в Баку 29 ноября 1983 года…

— Погодите, погодите… Я хотел бы начать беседу с того момента, когда Циля Аверман, жена Мишки Япончика, оставив Адель свекрови, вместе с мужем его покойной сестры уехала за границу…

— Это неправда! Циля очень хотела взять Адель с собой, но свекровь не отдала ребенка.

— Циля Аверман уехала во Францию…

Игорь:

— Сперва она уехала в Индию. Вот, посмотрите на эту фотографию, которую Циля прислала из Бомбея. Потом она перебралась во Францию и до 1927 года, пока окончательно не закрыли границу, присылала людей в СССР, чтобы те привезли ей ребенка. Это, сами понимаете, стоило больших денег. Но свекровь, родственники, так и не отдали Адель.

Бабушка до конца жизни не могла ей и всем одесским родственникам этого простить. Она, кстати, после войны ни разу не приехала из Азербайджана в Одессу. Всех одесских родственников принимала в Баку.

Мы знаем, что Циля Аверман была обеспеченным человеком — владела во Франции несколькими домами, небольшим заводом. Видимо, кое-какие ценности ей удалось вывезти за границу. Она должна была уехать. Если бы Циля не уехала, то ее убили бы, как и мужа.

В шестидесятых — семидесятых годах, когда уже за связь с родственниками-иностранцами не так преследовали, к нам от еврейских организаций стали приходить посылки. Значит, Циля была еще жива и не забыла свою дочь…

Рада:

— Кстати, в метрике бабули писалось не Адель, а "Удая Мойше-Яковлевна Винницкая, родилась 18 августа 1918 года".

— Как сложилась жизнь вашей бабушки?

— Она вышла замуж…

— За кого?

Рада:

— Мы не знаем. Бабуля никогда об этом не говорила. Это было семейным табу. Об этом никогда не говорили ни папа, ни мама, ни одесские родственники… Жизнь у нашей бабули сложилась нелегко…

В 1937 году в Одессе у нее родился сын, наш отец, которого в честь дедушки назвали Михаилом. (В нашей семье имена повторяются. Сына Игоря назвали Михаилом, а старшую дочь Лили, нашей сестры, Аделью.)

Игорь:

— Во время войны бабуля с сыном, нашим папой, эвакуировалась в Азербайджан, в Гянджу. Потом они жили в Минчегауре. Там через много лет папа познакомился с мамой — она работала учительницей в школе.

А после войны бабулю посадили…

— За что?

Игорь:

— Жить надо было… Ребенка кормить надо было… Она торговала на базаре в Гяндже маслом. Значит — спекуляция. Значит — срок… Приехала ее двоюродная сестра, Женя, и забрала папу в Одессу. Папа потом всю жизнь не очень любил мужа тети Жени, Милю. Тот заставлял его учиться, ходить в школу. А папе это было трудно… Папа практически не знал русский язык — в Гяндже все говорили только на азербайджанском.

Рада:

— Бабушка наша была очень сильным человеком. Замуж она не вышла. Жила одна. Ни от кого не хотела зависеть. Работала завскладом на вокзале. Хорошо зарабатывала. Лихо командовала мужиками-рабочими… Жила отдельно, много готовила и любила угощать всех соседей. Когда по телевизору показывали фильмы о революции, она вздыхала и произносила одну и ту же фразу: "Как бы мы хорошо жили, если бы не они…" До конца жизни у бабули, это очень странно после стольких лет жизни в Баку, был одесский акцент. Она говорила: "я ишла", "он ишол", "исчо", "семачки", "цепачка"…

— Когда вы узнали о своем прадеде — Мишке Япончике?

Рада:

— Мне было семнадцать лет. Выходила замуж Света, дочь наших одесских родственников. Я с мамой поехала в Одессу. Пошли в театр оперетты. Там показывали спектакль "На рассвете" — о жизни в городе во время революции. Мишку Япончика играл знаменитый актер Михаил Водяной. Когда спектакль закончился, дядя Филя, отец Светы, посмотрел на меня и спросил маму: "Сима, она знает?.." "Нет, — ответила мама, — мы ей ничего не говорили…" И дядя Филя мне все рассказал. О нашей семье, о прадеде… Я была, естественно, в шоке.

Игорь:

— Я родился в 1960-м. Я старше Рады на десять лет. Узнал о Мишке Япончике еще пацаном. Мне бабуля все рассказала… У нас дома была фотография (она пропала) — Мишка Япончик в кожаной куртке, с большим маузером, сидит на белом коне на площади перед Оперным театром. Этот снимок был сделан, когда его полк уезжал на фронт. Я гордился Япончиком. Но отец строго предупредил — об этом нельзя рассказывать никому.

Бабушка всегда говорила, что если бы ее отец вернулся живым (подлец Урсулов выстрелил ему в спину), то он стал бы, как Котовский, большим человеком… И еще бабушка рассказывала, что в 14 лет Мишка участвовал в покушении на полицейского пристава. Вместе с ним в покушении принимала участие восемнадцатилетняя девушка. Бабушка называла ее имя, но я уже не помню… Эта женщина потом работала в Кремле, хотела изменить, если можно так сказать, сложившееся мнение о Моисее Винницком, оправдать его. Но ей заткнули рот…

— А как сложилась жизнь вашего отца Михаила — внука Мишки Япончика?

Рада:

— Отец, как и бабуля, тоже прожил нелегкую жизнь. Уже когда семья жила в Баку, он взял фамилию жены. Наша мама — Сима Алахвердиева. (Еврейское имя Сима ей дали по просьбе еврея-врача, принимавшего роды.) Игорю и Лиле тоже сменили фамилии. А я уже родилась Алахвердиевой. Когда мы двенадцать лет назад стали собираться в Израиль, пришлось много побегать по архивам и загсам, чтобы доказать, что наш отец Микаил Алахвердиев, азербайджанец, на самом деле Михаил Винницкий, еврей. Бабуля, кстати, всю жизнь прожила с фамилией Винницкая…

Игорь:

— Трудно мне сказать, почему отец сменил фамилию и национальность… Чтобы, наверное, жизнь стала полегче… Хотя Азербайджан и интернациональный, но лучше там быть азербайджанцем. Отец работал шофером, возил министра соцобеспечения (может быть, и это стало причиной смены фамилии, не знаю), занимался тем, что сейчас называют "бизнес". У него в кармане нашли несколько долларов. Он был арестован, сидел четыре года… Как и бабушка, папа не любил советскую власть… Не любил ее и я, с детства, хотя и был пионером. Наверное, в нашей семье это фамильная черта… Отец умер молодым. Ему было пятьдесят лет.

— Вы бывали в Одессе. Приходили на Молдаванку? Заходили на Госпитальную, в дом, в котором родился Япончик?

Рада:

— Я жила на Молдаванке! У родственников на улице Лазарева, 63… Или 62? Не помню, забыла… Молдаванка мне очень понравилась. А как там люди разговаривали! "Ты хочешь чай? Да? Пей на здоровье, только не заваривай, я его заваривала вчера утром". Мне нравились улицы Пушкинская, Дерибасовская…

Игорь:

— И я жил в этом доме и на Госпитальную, 23 заходил… Одессу я знал, как Баку — бывал в ней много раз еще подростком. Люди знали, кто я такой, из какой семьи… Помню одного старого человека. Все его называли Мишка Жлоб. Он тоже жил на улице Лазарева. Жлоб знал моего прадеда, рассказывал мне о нем. Помню несколько его историй.

На Молдаванке жила бедная девушка. Она выходила замуж, но у нее не было никаких украшений. Тогда Япончик написал записку владельцу ювелирного магазина — попросил его подарить бедной девушке какое-нибудь украшение… Просьба была немедленно выполнена.

Еще история. Бедный парень влюбился в девушку, и она его полюбила. Но ее отдали за парня из состоятельной семьи. Мишка Япончик пришел на свадьбу и сказал жениху: "Твой отец богатый, он тебе любую другую невесту найдет, а эта пусть выходит замуж по любви…"

Мишка Жлоб рассказывал, как многие жители Молдаванки шли к моему прадеду за советом и защитой. Он, говоря сегодняшним языком, был "крестным отцом". Как мне кажется, Мишка Япончик заложил основы тех "понятий", по которым до сих пор живет уголовный мир бывшего Союза. Не могу только одного понять — почему он не уехал за границу?

— У Мишки-Япончика были четыре брата и сестра, которая умерла в 1923 году в Одессе. Три брата, несколько племянников погибли во время войны. Многие погибли в одесском гетто. Были ли вы знакомы с единственным оставшимся в живых братом — Исааком?

Игорь:

— Да. Исаак жил в Одессе. Мы с ним встречались, разговаривали. Он всегда говорил: Миша не был бандитом. Он был налетчиком". Исаак был человеком состоятельным, известным в деловом мире Одессы. Отсидел срок, как тогда говорили, "за экономические преступления". Когда евреям разрешили уезжать из СССР, он отправил своих дочерей с семьями в США, а потом и сам в 1979-м туда уехал.

Как нам известно, русские мафиози в Нью-Йорке, думая, что у него есть большие ценности, сильно избили Исаака, требуя, чтобы он эти ценности отдал. Исаак ничего не сказал этим бандитам. Через два дня он скончался в больнице… Вот такая судьба…

— Да уж… Бандиты из России, возможно — из Одессы, убивают в Нью-Йорке брата легендарного "короля" одесского преступного мира… Почище любого сериала… Кстати, вы смотрели телесериал "Жизнь и приключения Мишки Япончика". Вам он понравился?

Игорь:

— Не очень. Еще до того, как начались съемки фильма, в Интернете появилось объявление о том, что все, кто знает что-нибудь из жизни Мишки Япончика, приглашаются написать об этом. Я сперва хотел написать, а потом подумал — ну напишу, а они снимут об этом не так, как я написал. Мне будет неприятно. Да и зачем? Понятно, люди уже вложили в фильм большие деньги, зачем им правда? Им свои деньги нужно вернуть, да еще и заработать на фильме. Кто будет обращать внимание на то, что я написал?

А потом я увидел фильм: сестру Мишки Япончика показали придурочной, его отца — пьяницей… Ужас! Бабушка рассказывала о них совсем иначе… Цилю, правда, играет очень красивая и, вот, посмотрите на фотографии, очень похожая на нее актриса.

Рада:

— И мне фильм не понравился…

— Где похоронена ваша бабушка-"принцесса", дочь "короля"?

Рада:

— В Баку, на мусульманском кладбище…

— На мусульманском? Почему?!

Игорь:

— Так захотела бабуля. Дело в том, что на еврейском кладбище, которое находилось далеко от нашего дома, у нас никто не лежит. А на мусульманском, близко от нашего дома, были похоронены наши дедушка и бабушка — родители мамы. Адель сказала маме: "Сима, похорони меня рядом с ними. Ты ведь будешь приходить их навещать — и мне положишь на могилу цветочек. А еврейское кладбище далеко. Никто ко мне не приедет". Мы выполнили волю бабушки. На ее памятнике написано: "Адель-ханум". Без фамилии…

* * *

Тело "короля" преступного мира Одессы, легендарного Мишки Япончика, сброшено в яму под Вознесенском, его жена Циля умерла и похоронена где-то во Франции, три брата: Абрам, Григорий и Юда — остались лежать на полях войны, брат Исаак похоронен в Нью-Йорке, единственная дочь Адель похоронена на мусульманском кладбище в Баку.

"Суета сует и всяческая суета".

Аркадий ГОНДВАФЕЛЬ

Тайна одесского двора

ИЗ НЕ ОЧЕНЬ ДАВНИХ ВОСПОМИНАНИЙ

Дневник театрального режиссера Леся Танюка, человека светлого ума и значительного таланта, сохранил и такой сюжет. Несколько деятелей культуры, он в их числе, пробовали завлечь киевское начальство идеей: возвести для кинематографистов нечто вроде этнографического музея под открытым небом, каковой тогда собирались делать, Запорожскую сечь (с куренями, с шинком, где торгуют горилкой, с мелочной лавчонкой, в которой день напролёт копошится Мордехай или Шлёма, и слепым бандуристом, выпевающим о героическом прошлом, но глядящим прямо вперёд незрячими глазами, представляющим что-то своё, о чём и слова нет в песне). Затраты окупились бы, ведь в капитальных декорациях можно снять не одну и не две картины.

Ничем это дело не разрешилось. И у начальства отсутствовал интерес, и по тогдашним обстоятельствам могли бы истолковать это здравое и нужное предприятие как попытку возродить местный национализм или что-то сродни тому. И хотя в Америке такой — в традициях Дикого Запада — киношный городок с единственной, но прямой и широкой улицей, салуном, где бряцает клавишами пианино, где виски наливают в стаканы, выделанные из бутылочных доньев, имелся, это не аргумент.

Мысль построить наш Голливуд, советский киногород, чтобы снимать ленту за лентой, не нова. Родилась она в двадцатые годы, опять возникла в середине тридцатых. Ильф и Петров, вернувшись из-за океана, писали по инстанциям, что это ни к чему: киносъемки больше не зависят от солнечного света, в павильонах — искусственное освещение.

Странные одесситы, участвуя в дискуссии о строительстве Киносочи и Киносухуми, они забыли, что такой город давным-давно существует. И выстроен он специально для кинематографистов. Для чего же ещё? Город этот, расположенный на буро-оранжевом берегу Чёрного моря, назывался до времени Хаджибей, пока не получил имя более подходящее, короче и определённей. Одесса. (Показательно, что Юрий Яновский, который выпустил книгу фельетонов "Одесский Голливуд", посвящённую местной кинофабрике, использовал слова эти иронически: место, действие, статус как-то не совпадали.)

До поры Одесса казалась городом, для кинематографа малопригодным. Синематограф — иной расклад. Синематограф, по-одесски иллюзион — это помещение, где публика смотрит фильмы. Комические, видовые, "Пате-журнал" (список можно отыскать в раннем фельетоне Ильфа, пусть и с мелкой неточностью: журнал назван "Гомон"). Здесь собираются, чтобы развлечься, здесь, радуя зрителей, которые жаждут не только целлулоидных драм и страстей по Ханжонкову и Ермольеву, но подлинного искусства, выступают истинные мастера. Например, в иллюзионе, что в Треугольном переулке, исполнял свои песенки и куплеты сам Зингерталь. Настоящий. Иллюзион, стационарный, противу аттракциона передвижного, в Одессе появился в 1904 году, но то, что иллюзион — весьма прибыльная концессия, быстро поняли умные люди. Серёжа Уточкин даже разрешил впоследствии дать заведению (если не ошибаюсь, улица Гаванная), которым владел на паях с братом, своё имя. Кино-Уточ-Кино. Это марка! Кто таки возразит?

Но снимать кино в Одессе? Не видовые, не хронику, запечатлевая мировые рекорды того же Уточкина, а настоящую кинодраму? Фэ! Одесситы скажут: киньте этих глупостей. Местные туманы превосходят британские, местная публика чересчур горяча, общительна и любопытна, чтобы позволить киношникам беспрестанно вертеть рукоять аппарата на голенастом штативе, горожане тут же вступят в беседу, станут комментировать, подавать реплики, ламентаций одесситов не вытерпит и Великий глухонемой.

Нужен был Эйзенштейн, чтоб разрушить глупые предубеждения. Картина "Броненосец "Потемкин" началась не со сценария "1905 год", необъятного, будто шаровары гоголевского запорожца или доклад на отчетно-выборном партсобрании, картина началась с непроглядно-белых туманов. Снимать было нельзя, а солнца не было. Исчерпаны все возможные сроки — фильма должна быть представлена 20 декабря 1925 года на торжественном заседании, посвящённом юбилею первой русской революции. Туман держался, кажется, делаясь лишь плотнее, густел, будто вынесенное зимой во двор молоко.

Оператор Тиссе решил снять туман: интересно, что выйдет на плёнке. Эйзенштейн посмотрел отснятые метры и понял: это не пустой эксперимент, не производственный брак, коему место в мусорной корзине, а материал, который надо использовать. Из тумана проступали фрагменты человеческих фигур, словно из мраморных складок тоги — части античных статуй. Сцена прощания с мёртвым Вакуленчуком, застланная туманом, и сцена на тендре, где приговорённых к расстрелу матросов накрывают брезентом, это единая линия смысла, многофигурная композиция, наподобие композиции на фронтоне здания (Эйзенштейн, по образованию архитектор, ощущал строение этих форм и мыслил ими). Картина, ещё до конца не снятая, уже состоялась.

Стальная воля режиссёра, "железная пятёрка" одетых в полосатые футболки помощников, воплощавших его приказы, — этого достало, чтобы одесситы поняли: если иллюзион — выгодная концессия, то кинематограф — это искусство. Лестница, соединившая город с портом (звали её, как придётся: Воронцовская, Гигантская, Бульварная), теперь навеки стала Потёмкинской.

Тогда. Херсонская, 29

Потом. Херсонская, 19. Ровно через век

Десять лестничных маршей, двести ступеней — и всё. Эпизод так смонтирован, что как потом ни пытались его переделать, это не удавалось. Жалкие потуги вроде дилетантских "Бумажных глаз Пришвина". Тот, кто понимал толк в кино (Геннадий Полока, Юлиуш Махульский), старался вписаться в конструкцию, выстроенную Эйзенштейном, иронически обыграть изнутри, никоим образом не разрушая — где уж. Мастер совершил немыслимое: он заново перекроил Бульварную лестницу, изменив восприятие её форм. Ведь лестница спланирована и построена так, чтобы создавалась особая зрительная перспектива. При взгляде сверху парапеты её кажутся параллельными и видны только лестничные площадки. При взгляде снизу лестница будто сужается, являя беспрерывный каскад ступеней. Но лестница снята в таких ракурсах и под такими углами, что площадки при взгляде с верхней точки почти исчезли, а при взгляде с нижней вдруг проявились, разредив мерный перебор ступеней. Виктор Шкловский, сказавший когда-то, что площадки в сцене расстрела толпы выполняют функцию задержки, перерыва в сюжете, не прав. Ретардация, она же — задержка, возможна, когда есть динамика. Но динамика-то и разрушена тяжким гением Эйзенштейна. Движение тут замкнуто контурами лестницы, это движение частей механизма, не самостоятельных, не устремлённых к определённой цели (таково же движение рычагов и поршней судовых машин "Потёмкина"). Шеренга солдат, мерно спускающаяся вниз, это поршень, что усиливает давление. Механизм вырабатывает энергию, которой движима картина. Так в Одессу пришло кино. И оказалось, что город, выстроенный Ришелье и Дерибасом, это превосходная декорация, размещённая под черноморским небом. Весь город, без исключения.

И мы в этом убедились.

Двор был проходным. Собственно, тут нет ничего особого. Дворы и существуют для того, чтобы по ним ходить. А иначе зачем? Но проходной двор отличается от просто двора тем, что его можно пройти насквозь, миновать и выйти в иное пространство. А просто двор пройдёшь и уткнёшься в стену, и надо вернуться. Или зайти в парадное — иногда у парадного тоже имеется другой выход. И попадаешь во двор, если шёл с улицы, или на улицу, когда шёл из двора. Но тогда уж двор нельзя считать проходным. Проходное — это парадное.

А двор, о котором рассказ, был не просто двором проходным: из него, подворотней, шагнув под арку, попадёшь в другой двор, а за ним — ещё, ещё, и оттуда уже на другую улицу, Елисаветинскую, слегка (потому что по длине они просто несоизмеримы) параллельную улице Пастера, той, что быв. Херсонская, о ней есть стихи Григория Поженяна.

Если б душа
отделялась от тела,
я не ходил бы тайком
на Пастера,
в дом, где живут
все друзья неживые…

Этот дом — дом 27. На улице Пастера, в корпусе физико-химического факультета здешнего университета, размещался особый диверсионный отряд. Долго считалось, что все его бойцы погибли, на памятной доске среди прочих фамилий значилась и фамилия Поженян.

А чуть ближе к центру и дальше от истока улицы стоит дом 29. Когда-то тут помещалась гостиница, она же — гранд-отель "Савойя". И был скетинг-ринг, где катались на роликовых коньках. Представить ли? — довоенный 1913 год, роликовые коньки, дамы в длинных юбках, кавалеры в костюмах совсем не для спорта. Нам этого не увидеть, но это описал Валентин Катаев в бесконечной саге о детстве и юности, энциклопедии прежней одесской жизни, верной до самых частностей. Пусть и утверждает он, что никогда внутри не бывал. Конечно, гимназистам вход в такие места заказан, вот и приходится отпираться и семьдесят лет спустя. Излишек слов "который" выдаёт действительное; впрочем, и название книги косвенно подтверждает. "Разбитая жизнь" — это название популярного вальса. В ритме вальса строит автор повествование, уходя в сторону ("и раз, два, три", "и раз, два, три") и возвращаясь, сделав очередную фигуру: "…появилось новое, самое модное слово "скетинг-ринг", в понимании нашем, мальчиков и девочек, звучавшее както даже не совсем прилично, даже порочно.

Скетинг-ринг представлял собою асфальтовый каток в специальном закрытом помещении, у входа в который вечером зажигались гелиотроповые электрические фонари и на жаркую улицу вылетали зазывающие звуки матчиша, в которых тоже чудилось нечто порочное". Слова эти можно понять, если заглянуть в словарь, удостоверяющий, что матчиш — "довольно распространенный за последние годы танец и песня несколько скабрезного содержания". И не музыка только, а песенка, на мелодию уложенный фривольный текст, не обязательно и переводной или — и вовсе не перевод, а вольная фантазия, полная двусмысленных намёков, и возникала в памяти мальчиков и девочек, слышавших музыку из-за двери скетинг-ринга.

Потому и оправдывается автор, будто его застигли за чем-то постыдным: "Разумеется, я ни разу в жизни не был в скетинг-ринге и не видел, что там делается. По слухам, там мужчины и женщины танцевали на роликах вальс, прижимаясь друг к другу, а позже, ближе к полуночи, откалывали "ой-ра, ой-ра!" и кекуок, а вокруг асфальтовой площадки, за деревянными барьерами с бархатным валиком, возвышались столики, покрытые крахмальными скатертями, возле которых на специальных подставках блестели запотевшие серебряные ведра с битым льдом, откуда выглядывали золотистые горлышки шампанского "редерер". Время ушло, шампанское обернулось уксусом. Нельзя войти в одну Лету дважды. Что было, то было, и это недоказуемо. Чуть позднее в этом здании находился театр "Колизей", выступали Иза Кремер, Утёсов. И много кто ещё, говорят знатоки.

Когда мы проходили мимо, дам с кавалерами здесь уже не было. Никого из них вообще не было на свете. Песенки смолкли, музыка оборвалась. Дома и дворы эти глуховаты, не рассчитанные, по-видимому, на звуковое кино. Преодолеть немоту картины хватило бы стараний тапёра, без особой звонкости, но крепко молотящего по клавишам раздолбанного инструмента. Не про то ли писал Афанасий Фет: "Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали…"?

Дворы, все три, дома 19 были забиты декорациями, частью сложенными пока, частью развешанными и поставленными. Среди декораций бродили киношники и сидели кошки. Одесские кошки — это тоже "что-то особенного". И в отличие от чужих, они здесь жили. Тут их кормили, тут их не гнали, тут их запечатлевали мастера и подмастерья изящной светописи. И Сергей Гевелюк, и Григорий Исаев. Местные кошки честно зарабатывали свой насущный хлеб: работа натурщика тяжела, неблагодарна.

Кошки были заняты собственными делами, а киношники были молчаливы, будто не существовало ни системы Шорина, ни иных систем звукозаписи. Киношники так и не ответили, какую фильму собираются они снимать в этот раз. Возможно, боялись контроверз подлых конкурентов. Практика немого кино знает такие случаи. Ровно за ночь на ту же тему соперничающая фирма отснимала собственную фильму и давала похожее название. Сборы бывали сорваны — публика не любит платить дважды. Публика вообще не склонна платить.

Итак, кошки были заняты, киношники малословны. Тайна одесского двора так и осталась тайной. Хотя тайна эта весьма проходная. Какая разница, что снимают, если вокруг — город-декорация, город-натура. Не вторая — первая и единственная.

Виктория КОРИТНЯНСКАЯ

Мой путь в "Лампу"

Несмотря на название, рассказ не о джинне. Речь пойдет обо мне.

Ничто в нашей жизни не случайно. И я твердо уверена, что свой первый шаг на пути к "Зеленой лампе" я сделала еще в 2014 году, когда под напором страшных и грустных обстоятельств приняла решение не заниматься больше наукой.

Потом было много всего, интересного и не очень, но тот первый шаг, видимо, настойчиво требовал второго. И вот. Я сделала его 6 августа 2016 года на творческом вечере О.И. Губаря в Золотом зале Одесского литературного музея.

Казалось бы, маленький, совершенно ничего не обещавший шажок. Тихий и немного робкий. Он остался почти незамеченным, оставив на память всего лишь несколько абзацев:

"Мне не нравятся бороды, но эта, как ни странно, нравится... Опрятная и скромная, она чрезвычайно идет своему владельцу. Ни разу не присев, всю встречу он читает и рассказывает "за Одессу", и руки его в такт словам целомудренно рубят воздух в большом Золотом зале.

Ё-ма-сэ, дом Русова. Ё-ма-сэ, масонский дом. Ё-ма-сэ, каждый раз, когда разговор об утраченном, разоренном, разграбленном...

К концу он покорил меня совершенно. С очаровательной улыбкой он читает последнее четверостишие, галантно целует руки подошедшим дамам и, непритворно смущаясь, раздает автографы...

"Я никому не отказываю..." — говорит он мне, и я без колебаний верю...".

А дальше снова жизнь текла и, не уставая, крутила в водовороте событий. Интересных и не очень, памятных и так, проходящих... А еще сюжеты, слова и отдельные фразы... Они снова вернулись, бродят в голове, мешают уснуть и неумолимо просятся на бумагу.

Мне хватило полгода, чтобы решиться. Зная безотказность Олега Иосифовича, иду ва-банк: прошу почитать кое-что из моих рассказов и сказать СВОЕ слово.

Губарь не отказывает. Небольшой обмен сообщениями и приходит оно, судьбоносное ли?

"Вы могли бы подойти, скажем, на "Зеленую лампу", литстудию Голубовского, во Всемирный клуб одесситов?"

Поворот для меня неожидан. Губарь, по сути, отмахнулся. Но как удачно! Понимание пришло потом, думаю, это лучшее, что Олег Иосифович смог тогда придумать.

15 февраля 2017 года. В "Лампе" знакомлюсь с Е.М. Голубовским. Это сейчас я понимаю (до конца ли?), насколько большой глубины человек ведет заседания студии. А тогда? Небольшая, всего в две строчки, запись осталась в моей тетради:

"Маленький и трогательный, как птичка. И на щеке густая сеточка тонких красных сосудов под молочной кожей".

Я исправно хожу на встречи и почти каждый раз поражаюсь, как люди горят желанием высказаться перед залом. Мне высказываться не хочется, я часто скучаю и думаю о своем. Хотя некоторые, безусловно, очень талантливы. Жаль, что в нашей стране литература, как, впрочем, и многое другое, на задворках...

Постепенно я втягиваюсь и даже один раз читаю... Чтец из меня никудышный, а я уж понимаю, насколько это важно...

Но больше всего мне нравятся творческие встречи с писателями. Их мало, но они замечательны.

29 июня 2017 года. В гостях Яков Шехтер с другом детства.

И снова впечатления сами просятся на бумагу:

"Два типичных, но очень породистых еврея. Когда смотришь на них, кажется, что именно про таких Исаак Бабель писал в рассказе "Карл-Янкель". Помните? Про неожиданную породу еврейских рубак, наездников и партизан.

Я сижу в последних рядах, и мне плохо слышно. Дикция не очень, и легкое заикание почти через фразу... Несмотря на это, уверенно и твердо ведет рассказ, легко и непринужденно навешивая на нить сюжета дополнительные детали, факты и подробности. Рассказывая, помогает себе всем телом. Руки и ноги играют и подыгрывают каждому слову...

Интересно, необычно, мудро и очень по-еврейски...

И глаза. Цепкий бархат южного неба, за которым прячутся все мудрость и ум еврейского народа".

2 августа 2017 года. Д.Л. Быков.

И снова строки:

"Он пришел с возлюбленной в кричащем оранжевом платьице и долго не мог напиться. Потом, не дожидаясь приглашения и помощи, взял стул и просто сел где-то сбоку, почти за колонной. Не стесняясь, вытянул длинные ноги, совершенно свой, непосредственный и скромный такой мужчина. В конце, когда позвали, вышел, не ломаясь, слегка заигрывая со слушателями и абсолютно свободно чувствуя себя перед горсткой таких же, как он, но менее знаменитых литературных дарований. Двадцать, пятьдесят, пять тысяч, миллион — кажется, количество для него не имеет значения.

Немного поболтав и завладев публикой, выдал довольно метко схваченный образ Толстого в смешном стихотворении про п-зду. Потом, довольный и польщенный, читал лирику.

"Глухарь, — первой пришла в голову мысль. — Вот так же, когда поет — ничего не слышит... А поет он легко и раскрепощенно, запрокидывая голову и наслаждаясь чтением, с улыбкой отдаваясь словам, образам, мыслям..."

Я в "Лампе" уже полгода. Жизнь моя изменилась, и биологии в ней все меньше и меньше. Куда я иду, и что будет дальше? Не знаю... Многие говорят: главное — найти себя. Ну что же... Возможно, я на правильном пути...

Виктория Коритнянская

Вопиющий случай

Ангелы рассаживались за длинным изогнутым столом, и громовыми раскатами гремели в комнате стулья. Они слетались со всех сторон: маленькие, большие, молодые и старые... Комната была полна ими, и старый, сгорбленный, весь в каком-то неземном нежно-розовом сиянии ангел небрежным взмахом руки расширял ее по мере того, как она наполнялась. Но вот захлопнулась дверь за последним ангелом, и тут же, как всегда, неожиданно, материализовался на резном стуле Бог. Он окинул приветливым взглядом высокое собрание, и виновных ввели.

Два молодых и прекрасных ангела предстали перед взором собравшихся. Они были грязны, и из всколоченных бород у них торчали разноцветные листья. На прекрасном лице одного из них красовался большой синяк, бровь же другого бугрилась от запекшейся крови. Большие и разноцветные, как у бабочек, крылья ангелов во многих местах были прозрачны из-за опавших чешуек. Окруженные слабым оранжевым сиянием, стояли они, потупившись, и выражение злой упрямой непримиримости страшной демонической маской кривило их красивые лица. Бог кивнул, и старый, весь в каком-то неземном нежно-розовом сиянии ангел начал слушание вопиющего случая, произошедшего на прошлой неделе в Одессе.

Все началось в среду. Погоды стояли жаркие, и вода в море была неприлично теплой. Чтобы оздоровить ребенка, Клава — дворничиха 87-го дома по проспекту Добровольского — повела своего семилетнего сына Борю в Лузановку. Там под неусыпным контролем матери Боря принимал солнечные ванны и даже три раза купался. Он много нырял и, как это часто бывает, нахлебался воды. Вместе с водой в рот мальчику попал энтеровирус. Борин ангел-хранитель хватился, когда уже было поздно: вирусы атаковали детский желудок. Тогда ангел составил план. Зная, что слабая Борина печенка не выдержит жирной тяжести пирожков, продававшихся тут же неподалеку, он легко вызвал у мальчика зверское чувство голода. Боря ныл до тех пор, пока Клава не сдалась. Скрепя сердце, она купила ему пирожок с брынзой. Мальчик откусил первый кусочек, и ангел, довольно потирая руки, ожидал спасительной рвоты. Но тут случилось непредвиденное. Ангел-хранитель бездомной собачки Тюльки, бежавшей в это время мимо Бори, увидел в лице мальчика шанс накормить подопечную. Он тут же состроил Тюльке милую мордочку и наполнил ее взгляд таким трогательным очарованием, что Боря, вообще-то любивший кошек больше, чем собак, тайком от Клавы скормил ей весь пирожок. Борин ангел погрозил ангелу Тюльки кулаком. Заскрежетав в отчаянье зубами, он молча наблюдал, как вирусы рвались к кишечнику.

Дома ровно через час Боря дал температуру 39. Клава переполошилась, она сварила мальчику куриный бульон и насыпала ему целую чашку простокваши. Она натирала дитя уксусом, давала уголь, но жар не падал. Ангел, сидя в углу, стоически наблюдал за ходом лечения. Когда Клавина схватка с болезнью ослабла и та убежала к ворчащим на плите сковородкам, он решил действовать по-своему.

Главная роль в выздоровлении Бори отводилась кошке Люсе. Она должна была сесть мальчику на живот и ударами своих мягких лапок выгнать из Бори зловредный вирус. После недолгих уговоров кошка согласилась. Она важно проследовала в комнату, ловко вскочила на кровать и уже удобно устроилась на Борином животе, как внезапный оглушительный крик вернувшейся Клавы в одно мгновение полностью разрушил доброе начинание:

— Куда, холера, взгромоздилась?! Дите болеет, а ты лезешь! Места тебе, что ли, мало? — последовавший за криком оскорбительный удар веником выбросил кошку из детской. Люся обиделась, залезла под диван и больше не отвечала.

Тогда ангел решил действовать по-другому. Он забросил таблетки за шкаф, и Клаве пришлось бежать в аптеку. По дороге в это время как раз шла местная врач-педиатр. Но Клава, озабоченная Бориной болезнью и относившаяся к отечественной медицине более чем прохладно, пробежала мимо, бросив на ходу лишь ни к чему не обязывающее "здрасьте". Узнав об этом, Борин ангел решил прибегнуть к крайнему средству. Пользуясь отсутствием Клавы и позвав на помощь ее ангела-хранителя, он сам начал лечение. Ангел завис в воздухе прямо над мальчиком и висел так до тех пор, пока ангел-хранитель Клавы не струсил с его крыльев на Борю достаточного количества животворящих чешуек. Те падали мальчику в глаза, он вдыхал их носом и хватал ртом. Ангел мальчика физически ощущал, как с каждой чешуйкой безвозвратно убывает его Божественная сила, но делать было нечего, он должен был любой ценой выполнить свое предназначение.

Крайнее средство подействовало. Когда Клава вернулась, Боря уже улыбался. Он пропотел два раза, был переодет в сухое и накормлен прямо в постели свежесваренным яйцом всмятку. Ангелы ликовали, они довольно терли ладони, и веселый беззвучный ангельский смех то и дело раздавался в комнате. Но тут Боре захотелось поиграть на компьютере. Тревожная Клава решила, что рано. Со словами: "Завтра поиграешь!" — она бесцеремонно затолкала сына обратно в постель. Боря обиделся. Он отвернулся к стене и решил умереть назло маме и бабушке, живущей в Крыжановке. Ангелы застыли с открытыми ртами. Жертва оказалась напрасной — никакая Божественная сила не могла побороть стремление человека к смерти. Остатки вирусов, прятавшиеся в удаленных петлях Бориного кишечника, с радостным воем снова бросились в атаку. Боре стало нехорошо, у него поднялась температура и сильно закололо в боку.

Ангел был в отчаянье. Он был измучен, и силы его были на исходе. Безвольно опустив руки, смотрел он неподвижным взглядом на метавшегося в жару мальчика. И тут... В окне он увидел другого ангела. Тот парил в воздухе, выделывая танцевальные па, и на лице его сияла счастливая улыбка. Смешно надувая щеки, незнакомый ангел что-то пел под беспорядочные звуки пианино, гремящие из открытого окна квартиры сверху. Заметив ангела Бори, он приветственно махнул ему рукой, показал длинный язык и скривил смешливую рожу. Это оказалось последней каплей. Борин ангел с пронзительным воплем ринулся в окно. Так ангелы подрались.

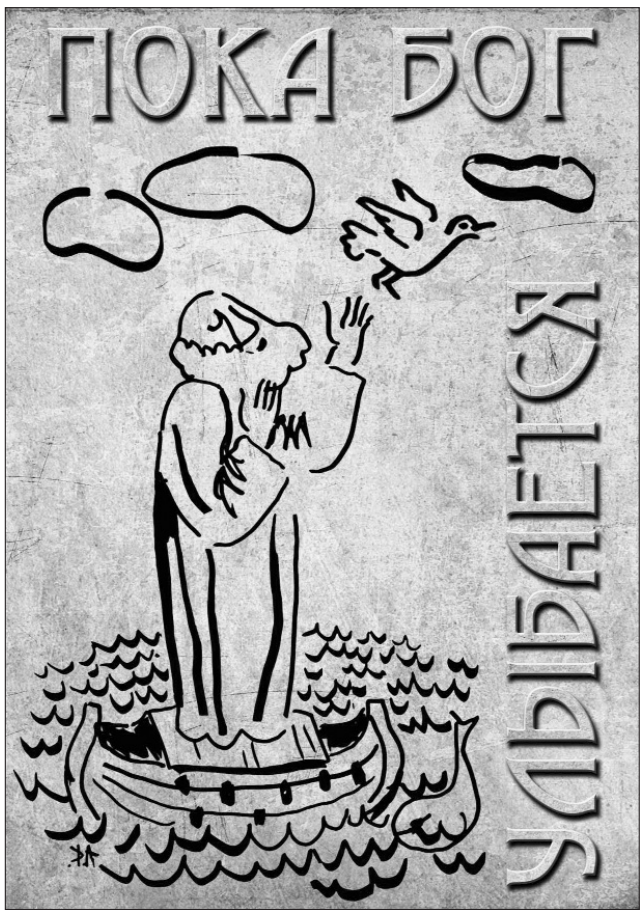
Высокое собрание молчало. Тогда первым заговорил самый старший ангел над всеми ангелами Одессы. Он был очень стар, этот ангел, обосновавшийся на жаркой и бесплодной одесской земле с первыми греческими поселениями. Он был дряхл и сгорблен, этот небесный старик, видевший Хаджибей и крепость Ени-Дунья. Два с половиной века бережно и осторожно он вел Одессу по жизни. И вот теперь он, знавший, почем фунт лиха, пришел узнать, куда катится этот мир... Он говорил медленно, и каждое слово его гулко падало наземь. Он рассказал собранию, как сложно сейчас работать, как в бесконечной и бессмысленной спешке все превращаются в страшных эгоистов, не способных видеть и чувствовать чужое горе. Он говорил о том, что крики о помощи почти всегда остаются в этом мире без ответа и что черствость, равнодушие и леность прочно пустили корни в сердцах и душах. Потом, горько вздохнув, он сел.

За ним говорил ангел Донецка. Он начал издалека. Не жалея красок, ангел перечислил все беды и несчастья, пережитые городом с начала войны. Затем он вернулся к делу. Ангел показал высокому собранию глаза испуганной девочки Кати, и в них ангелы увидели страшные картины бомбежек, и темный тесный шкаф, в котором она пряталась во время обстрелов, и кровь, текущую тонкой темной струйкой из-под Катиной бабушки... Затем ангел взмахнул рукой, и густая липкая паутина детского страха неподвижно повисла в воздухе, и наполненные ужасом детские крики и плач тут же зазвучали в тишине неба. Он описал, каких усилий стоило ангелу-хранителю Кати вывести ее из Донецка живой и невредимой, и долго говорил о долгожданном и радостном чуде, случившемся в тот роковой день, когда маленькая Катя наконец-то снова улыбнулась и села играть на пианино. Ангел Донецка просил понимания, затем, тяжело вздохнув, он сел.

Тишина и тревожное ожидание замерли в комнате. Бог едва заметно шевельнулся, и все ангелы робко заглянули в его бездонные глаза. В ту же минуту любовь заполнила комнату, она закружилась густым туманом, и сладостно-горькое чувство раскаяния и всепрощения наполнило до краев ангельские души. Большие блестящие слезы покатились из глаз провинившихся, и громкие, судорожные их всхлипы прервали, наконец, сладостную пытку. Бог радостно улыбнулся. Едва заметно кивнув, он тут же исчез.

Слушание вопиющего случая заканчивали уже без него. Ангелы были признаны незрелыми, они обвинялись в черствости, равнодушии, эгоизме и эмоциональной неустойчивости. В качестве наказания им было велено прожить бок о бок одну земную жизнь, в течение которой они должны были побороть взаимную неприязнь, простить и полюбить друг и друга. Для этого совет мудрейших поручил виновным незамедлительно познакомить и подружить Борю и Катю, потом поссорить их, а затем, пройдя с ними долгий и тернистый путь от ненависти к любви, устроить, наконец, их свадьбу.

Виновные слушали, понурившись. Смущение и раскаяние читались на их лицах. Молча выслушав приговор, они впервые взглянули друг на друга, и осознание того, что с этого момента они неразлучно связаны крепкими нитями прощения, принятия и любви, наполнило их сердца смутной тревогой, страхом, неясной тоской и робкой надеждой...



Обложка книги рассказов "Пока Бог улыбается", выпущенной в августе 2017 г. Всемирным клубом одесситов. Меценат проекта и автор одного из рассказов — Евгений Деменок. Все 17 авторов рассказов — студийцы "Зеленой лампы". И среди них — Виктория Коритнянская с большим рассказом или маленькой повестью "У смерти за пазухой". Уверен, что это первый шаг в Литературу.

Михаил ГАУЗНЕР

Так что такое любовь?

РЕАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ С РЕАЛЬНЫМИ ЛЮДЬМИ В РЕАЛЬНОМ ГОРОДЕ

Прожив несколько лет в новом для него городе, Борис полюбил его строгую красоту, необычную архитектуру, стал уважать традиции и культуру коренных жителей, начал увлечённо работать по творческой специальности, не связанной с полученной в вузе профессией. Знакомства с интересными профессионалами, первые признания его способностей, первые успехи — всё это наполняло его энергией, желанием работать. Молодой, высокий, красивый, весёлый, обаятельный, Борис легко находил общий язык с разными людьми — достаточно было улыбнуться своей открытой и доброжелательной улыбкой, весело пошутить и приветливо пообщаться.

Однажды его познакомили с молодой коллегой, и они увидели друг в друге много общего: оба примерно одного возраста, оба увлечены любимым делом, далёким от того, чему их учили в вузе, умны и образованны, стремятся проявить себя и достигли определённых успехов, им не чужды юмор и ирония, их хвалят. Борю и Ингу потянуло друг к другу, и они стали ежедневно встречаться. Потом добавилась радость узнавания и познавания — дело молодое, кровь играет, на дворе лето, плавно перешедшее в мягкую осень, тёплые вечера, шелест листвы, иногда лунная дорожка; жизнь казалось прекрасной.

Правда, через некоторое время Борис всё чаще стал замечать различия между ними — характер у Инги оказался не таким простым, юмор — тяжеловатым, ирония — своеобразной, оценки людей — категоричными; она была интересным человеком, но значительно менее общительной, чем Борис, более сдержанной, иногда жёсткой.

Потом стала ощущаться разница в менталитете и некоторых взглядах на жизнь. Всё больше Борис осознавал, что они воспитаны в разных национальных культурах, по-разному воспринимают историю страны, прошлое своих близких и некоторые сегодняшние события. Стало появляться непонимание, а затем и неприятие некоторых взглядов и поступков. Поначалу всё это по сравнению с взаимным интересом и тягой друг к другу казалось не очень существенным. Потом этой уверенности поубавилось, и постепенно Борису становилось ясным — общего долгого безоблачного и счастливого будущего у них, к сожалению, нет. А значит, надо прекращать встречаться, потом это будет ещё труднее и больнее.

Придя на очередное свидание, он не успел начать этот трудный, болезненный, но такой необходимый разговор — Инга смущённо сказала: "У нас будет ребёнок…" Это прозвучало, как гром среди ясного неба, но воспитание и врождённая порядочность не позволили ему как-либо выдать свои намерения. Боря овладел собой и сказал те единственные слова, которые, по его мнению, должен был сказать мужчина — ещё в ранней молодости прочитав "Маленького принца" Экзюпери, он твёрдо усвоил: "Мы в ответе за тех, кого приручили"; а иначе и быть не может… Вскоре они поженились.

Шли годы. Сначала были трудности младенческого периода — пелёнки, детские болезни, полубессонные ночи. Потом Боря стал всё больше уходить в работу, в увлекательность и сложность профессионального роста, не стремился пораньше прийти домой. Нужно отдать должное Инге — она не опустилась до уровня домохозяйки, не отставала от него в специальности, её удачные работы отмечали коллеги. Они были по-прежнему уважительны друг к другу, иногда обсуждали профессиональные вопросы, решали бытовые проблемы, особенно после получения двухкомнатной квартиры в новом районе. Брак двух умных коллег, культурных и воспитанных людей, у которых росла способная красавица-дочь, многие наверняка считали удачным и завидным. Но в нём не было главного для союза близких людей — души…

Когда дочери исполнилось лет десять, я впервые решился на откровенный разговор:

— Боря, на вас скучно смотреть. У тебя дома потухший, вежливо-равнодушный взгляд, ты там практически не улыбаешься и оттаиваешь только вне дома в общении с приятными тебе людьми — ведь дома у вас почти никого не бывает. Ты собираешься что-то делать?

— Думаешь, мне легко? Я всё понимаю, но не могу позволить себе оставить дочь — она не поймёт, это будет для неё ударом. Когда ей исполнится восемнадцать, я постараюсь всё объяснить и сразу уйду. Но не раньше.

И вот наступила долгожданная дата. Борис впервые не просто привёл дочь в кафе, как много раз водил ребёнком, а пригласил как взрослую молодую женщину — помог сесть, придвинул стул, предложил меню. Скрывая волнение, какое-то время говорил на отвлечённые темы. Наконец, решившись, перешёл к сути. После первых фраз дочь прервала его и сказала: "Папа, я лет с четырнадцати не могла понять, почему вы с мамой продолжаете жить вместе. Я вас обоих люблю, но давно вижу, какие вы разные. Если ты делал это ради меня, ты был неправ. Поступай так, как считаешь правильным, я всё равно не перестану тебя любить".

Через два дня Боря объяснился с Ингой, сложил в небольшой чемодан самое необходимое и ушёл практически в никуда. Недолго пожив у приятеля, снял комнату у одинокой пожилой женщины. Половину платяного шкафа, выделенную ему, поначалу нечем было заполнить, и лишь со временем туда перекочевала необходимая часть осенне-зимней одежды.

Собиравшуюся Борей практически всю жизнь прекрасную библиотеку забрать было некуда. Она оставалась в их совместной квартире, хоть и не была там нужна: Инга так и не полюбила русские книги, а дочь, воспитанная в основном матерью с учётом приоритета национальной культуры, во взрослом возрасте читала их всё реже. Снимаемая Борисом комната использовалась им практически только для сна, т. к. он засиживался допоздна на работе; впрочем, принципиально это не многим отличалось от предыдущих лет.

И вдруг в один момент всё изменилось — на одном из профессиональных мероприятий Боря увидел совершенно потрясающую женщину. Красивая, с прекрасной фигурой, Зоя привлекала всеобщее внимание не только внешними данными, но в первую очередь бьющей через край энергетикой, жизненной силой. Они разговорились, и через короткое время он понял, что влюбился так, как не влюблялся в юности и молодости. Попытался дать "задний ход", уйти в тень, прекрасно понимая — сорокавосьмилетнему, давно уже не спортивному и не очень здоровому мужчине несерьёзно рассчитывать на взаимность ТАКОЙ женщины, тем более — с учётом разницы в возрасте: на первый взгляд, лет в десять, если не больше.

Однако всё оказалось не так просто — Зоя обратила на него не только внимание, но и свою энергию и очень скоро недвусмысленно дала понять, что Борис ей интересен. Умный и аналитичный от природы, он ничего не понимал — и ничего не мог с собой поделать. За короткое время они сблизились и не могли уже жить друг без друга. Всё свободное время проводили вместе и буквально упивались этим. Им было не только хорошо друг с другом — им было интересно!

Зоя не смогла уехать с ним в отпуск. Каждый день Боря получал от неё письма, состоящие из многих листов, исписанных с двух сторон, и так же полно отвечал, считая дни до встречи. Я видел радостное выражение его лица, когда он разрывал плотно заполненный конверт, блуждающую счастливую улыбку при чтении, и мне казалось, что он помолодел лет на десять — пятнадцать:

— Она меня любит! Не представлял, что такое возможно! До сих пор не могу поверить, что это ещё могло случиться в моей жизни!

Таким я не видел его с ранней молодости…

Боря и не предполагал, что через девятнадцать лет он вновь услышит о том, что станет отцом, но это произошло. Испытанные на этот раз опасения имели реальные основания, связанные с возрастом обоих — как выяснилось, сорокалетняя Зоя собиралась рожать впервые. Но это компенсировалось радостью трепетного ожидания будущего ребёнка:

— Ты представляешь, у меня будет СЫН! — услышал я от ликующего и одновременно смущённого Бори.

Оставшиеся до родов месяцы протекали нормально, Боря окружал Зою вниманием и трогательной заботой, они продолжали радоваться общению, строили оптимистичные планы. Роды прошли без осложнений, молодой отец писал нежные послания.

Неожиданно перед выпиской из роддома Боря получил записку, поставившую его в тупик: "Забирать нас и приходить ко мне домой не нужно. Сына выращу без тебя, ты к нему никакого отношения иметь не будешь". Его разум отказывался это понимать, а попытки выяснения причин ("В чём я виноват, что сделал не так?") оставались без ответа.

Опытный психиатр, к которому Боря обратился за консультацией, объяснил, что подобные, хоть и достаточно редкие, послеродовые нарушения психики роженицы известны: она подсознательно обвиняет в своих страданиях во время родов отца ребёнка — как непосредственного их виновника. "Это должно через некоторое время пройти", — сказал врач.

Но время шло, и ничего не менялось. Зоя приняла помощь от Бори только дважды: при необходимости организовать медицинскую консультацию ребёнка у самого крупного узкого специалиста и когда потребовалось достать дефицитные лекарства за границей. После этого всё оставалось по-прежнему — встречи не допускались, деньги и какая-либо помощь не принимались без объяснения причины.

Боря был на грани нервного срыва. Действительно, понять такое невозможно — у него есть СЫН, и он непонятно, почему, недоступен для контактов и помощи! А где же недавняя страстная любовь с однозначными знаками взаимности, по-хорошему удивлявшая многих? Ведь он всё это не выдумал!

Он пытался уйти от этих мыслей, погружаясь в работу. Иногда это удавалось, но временами на него вновь нападала растерянность от непонимания и беспомощности.

Друзья пытались его поддерживать, но это мало помогало.

Среди пытающихся помочь была Лина — малознакомая Боре школьная подруга Зои, из тех внешне невыигрышных девушек, которые часто бывают рядом с признанными красавицами — угловатая, закомплексованная, с низким голосом, не очень женственная. Она часто звонила ему и мягко, но настойчиво убеждала:

— Борис, у Зои непростой характер, так и в школе бывало — при трудностях она часто становилась непредсказуемой. Дайте ей время, проявите терпение, и всё вернётся — и любовь, и ребёнок, нужно только не терять надежду. Всё будет хорошо.

Но хорошо никак не становилось.

Со временем их телефонные контакты сменились встречами, во время которых утешения продолжались, и в какой-то момент Боря понял, что беседы с Линой ему нужны, после них легче и спокойнее. Он стал ждать этих встреч, после которых ему становилось легче, постепенно привык к её присутствию в своей жизни, и сорокалетняя Лина впервые стала женой.

Спустя год Боря смущённо сказал мне:

— За пятьдесят лет своей жизни я впервые почувствовал рядом человека, к которому испытываю не привычку, не страсть, а тёплое чувство. Это необычно, но очень приятно. И продолжает быть нужным.

Через несколько лет Боря неожиданно умер. Зои на похоронах не было.

Прошло несколько месяцев. В первый после смерти день рождения Бори Лина и я шли с кладбища. Вдруг она проводила взглядом идущих туда по встречной аллее женщину с ребёнком лет семи-восьми и в ответ на мой молчаливый вопрос сказала:

— Это Зоя. Значит, всё же решила рассказать сыну об отце. Что ж, лучше позже, чем никогда.

А потом в беседе со мной о Боре безучастным, лишённым эмоций тоном тихо произнесла:

— Годы, проведенные с ним — единственные в моей жизни, когда я жила; всё остальное время я только существовала.

Какое-то время она молча, бесстрастно смотрела мимо меня, а потом перевела разговор на другую тему. "Лучше бы она заплакала…" — подумал я.

Действительно, то, что несомненно кажется любовью, со временем иногда вызывает лишь разочарование. А бывает и наоборот.

Да и в понятие "любовь" разные люди вкладывают совершенно разный смысл: для одних это глубокая привязанность и взаимопонимание, для других — всепоглощающая страсть, для третьих…

Наверное, прав был хороший поэт Юрий Михайлик, написав: "…И то, что не было любовью, неотличимо от любви".

Ольга ЩЕРБАКОВА

Два дня для юных киноманов: в Одессе пройдет международный детский кинофестиваль NEXT

Дню украинского кино, который ежегодно отмечается во вторую субботу сентября, посвящен нынешний, четвертый по счету, международный детский кинофестиваль NEXT. На Одесской киностудии он откроется 8 сентября. На следующий день дополнительной фестивальной локацией станет детский центр «Молодая гвардия».

На конкурсной основе в МДКФ NEXT принимают участие профессиональные фильмы авторов из Украины и зарубежья. Вне конкурса пройдут показы картин известных кинорежиссеров, творческие встречи, мастер-классы. Так, на минувшем кинофесте с детьми работал создатель первого украинского 3D-мультфильма «Никита Кожемяка» Манук Депоян. Гостем фестиваля был и легендарный художник-мультипликатор, сценарист, режиссер — Народный артист Украины Давид Черкасский.

Профессиональное жюри МДКФ NEXT возглавляет актер, телеведущий, режиссер, продюсер Виктор Андриенко. Как и прежде, параллельно будет работать детское жюри — ребятам предстоит выбрать лучший, по их мнению, фильм, созданный детьми для детей. На прошлом кинофестивале юные любители кино из 15 регионов Украины представили более 50 работ, а в рамках всеукраинского проекта «Желтый автобус» показали фильмы, снятые детьми из зоны АТО и юными переселенцами.

В этот раз Одесская киностудия расширила географию аматорского конкурса. Несмотря на то, что главный акцент делается на отечественное аматорское детское кино, интересно увидеть, как юные украинцы диаспоры видят со стороны нас и нашу страну. Фильмы прислали из Польши, Литвы, Германии, Канады.

Кроме того, 12 детей из Украины съездили в литовский город Паланга, где сняли и представят на фестивале несколько любительских фильмов. Поездка стала возможной благодаря проекту «Открытый мир» — совместной инициативе благотворительного фонда «Відкрита Україна» (директор Виктория Вагжанова), литовского фонда «Согласие» (президент Юлиус Казенас), Полтавского областного фонда украинской культуры (зампредседателя Ольга Агеева).

«Камера. Мотор!» С нетерпением ждем, когда на открытии международного детского кинофестиваля NEXT в Одессе вновь прозвучит эта привычная для кинематографистов фраза. И кто знает: возможно, те, кто сегодня в зрительном зале, совсем скоро получат наивысшее признание престижных мировых кинофестивалей как режиссеры, операторы, актеры.

Контакты МДКФ NEXT:
сайт — nextfilm.od.ua,
почта — nextfilm@ukr.net

Ирина КРАЙНОВА

Зинкен

Вот и ушла наша мама и бабушка — в 90 лет, тихо, во сне. Сильный характер, трудная судьба — и большая любовь ко всем нам. Она была коренной одесситкой, получила два образования, хорошо и много работала, но главная ее работа была в семье, она и сотворила нас — такими, какие мы есть.

Пока еще не остыла рана от ее ухода, пока помнятся или всплывают позабытые черточки, веду эти нестройные заметы.

Зинкен... Так, полушутливо, на немецкий манер, прозвала ее старшая сестра. Все-таки их мама наполовину немка.

Старшую, Лару, звали Лархен и... Стопакеркой (от фамилии, которую она и в замужестве не поменяла), и взрослые дети потом ее так называли. Лара и Зина были сестры-неразлучницы. Редкий тип пламенной сестринской любви. Но это они потом поняли. А сначала круглолицая хохотушка Лара с вьющимися мелкими колечками волос выросла, отрастила толстую косу — пошли девичьи тайны с подружками. Мама (бабушка Мара) — фтизиатр, вечно на дежурствах, на приемах, на вызовах. Велит ей Зинку-корзинку везде с собой брать, а та болящая, с перевязанным косынкой горлом — гланды, опухшие железки, 33 болезни. Еще и дифтерит умудрилась подцепить. Но попробуй не взять — маленькая худышка с огромными темными глазами побежит следом, заверещит, все равно догонит. Упрямства ей на троих хватит.

Лара поступила в Одессе в мединститут, Зинкен продолжала жить с родителями. Отец (дедушка) Николай Стопакевич, "буржуазный спец", как его величали, приезжал с семьей туда, где в очередной раз объявляли столицу Молдавской республики. Работал в Госплане.

Кишинев бомбили в первые часы войны. Бабушка Мара собрала дочке крохотный чемоданчик и посадила на поезд, шедший в Одессу, к бабушке Инне. Ну не могли фашисты осмелиться напасть на *их* прекрасную Одессу! Никто в это не верил. Это был последний поезд из Кишинева. Вместо положенных семи часов шел семь дней: состав сутками держали на разъездах, загоняли в тупик, бомбили. Вместо разбомбленного пересаживали в другой... Мама всю жизнь опускала голову и искала укрытие при виде низко летящего самолета. Мне тоже передался ее "самолетный" страх.

Следом в Одессу пришли родители. Пешком, с двумя маленькими узелками — ничего не уцелело в их квартире, куда упала бомба. Оборона города, оккупация, долгие месяцы ожидания "своих"... Бабушка Мара работала в туберкулезном санатории (как при Советах), но своих "соотечественников" в фашистах не признавала и упорно делала вид, что совсем не знает немецкого. А партизан лечила — бледные, с характерным землистым оттенком лица, они частенько навещали "своего" доктора.

И тут Зинкен показала свой норов. Ее отдали в открывшуюся при румынах школу. Она посидела, послушала, пришла домой и — забросила ранец в самый дальний угол: "Не пойду я больше — там закон божий заставляют учить!" Дочь старорежимного врача, рациональная, техничная, из того первого советского поколения, кому посулили коммунистический рай, мама так и не "перекрасилась" и "модную" религию не признала. Зинкен — из рода потомственных священников, неординарных личностей, отмеченных высокими наградами и званиями. Крестил ее в младенчестве сам дедушка-протоиерей. Но у мамочки характер был твердый, цельный — и особое мнение во всех случаях жизни.

Школу она окончила уже после войны, экстерном — на всех пятерках, между прочим. И всегда сама решала с внуками трудные и каверзные задачи, хоть была чистой воды гуманитарий.

Два самых тяжелых ее военных воспоминания... С ватагой ребятишек поход в Лермонтовку — за солью. Где ее еще достанешь? А там за оградой серела внушительная гора соли, часовой охранял. Детишки просили разрешить набрать, выталкивая вперед худосочную, несчастного вида Зинку с ее молящими карими очами. В обмен несли румыну мамалыгу, позже он потребовал каши, потом — лепешку.

Второе воспоминание — когда оборона немцев трещала по всем швам. Они покидали город, неустанно гоня в Германию эшелоны с подростками и молодыми людьми — дармовой силой. Бабушка Мара прятала сестер, дедушку и племянника на антресолях — в узком чуланчике под самым потолком. И невозмутимо открывала дверь на звонки. Как-то румынский солдат сильно ударил прикладом в дверь... Страх темных тесных помещений остался у мамы навсегда.

Были трагичный уход из семьи давно гулявшего отца, послевоенная нищета, голод 1946 года, брюшной тиф у подцеплявшей "всякую заразу" Зины. Уже выздоравливая, тощая, маленькая, бритая под мальчишку, она сидела в окошке больницы, с проснувшимся волчьим аппетитом поджидая банку куриного бульона — роскошь тех дней. Толстушка Лара, похудевшая, осунувшаяся, с трудом дотаскивала банку, борясь с неистребимым желанием отпить пару глотков теплого, золотистого, с редкими жиринками напитка. Зинка встречала ее криком: "Ларка! Ты по дороге кусочек лапки отщипнула, я же вижу!" Лара готова была рыдать от обиды и несправедливости...

Зинкен всегда умела подняться, как Феникс из пепла. Поправилась, окрепла, поступила в зубоврачебную школу. Правда, ее мечтой был иняз, английский язык. Взяли туда кандидатом — одно образование у нее уже было. Кандидат училась на одни пятерки, и красный диплом не стоил ей больших усилий — что-что, а учиться она умела. Когда ее младшему внуку пришлось изучать немецкий, засела за учебники — освоила и этот, генетически родной.

У Зины и Лары, двух одесских красавиц, низкое окошко на Белинского, увитое гирляндами виноградных листьев, всегда было открыто для веселых молодых компаний. Ухажеров хватало. Зинкен отхватила сразу трех "женихов". Высокий умопомрачительный брюнет с голубыми глазами и эффектной фамилией Поднебесный. Не больно красивый, но сильно умный Алик, инженер, новые языки он учил "для общего развития" и стал незаменимым при встречах иностранных делегаций на родном заводе. Не такой красивый, как Поднебесный, не такой эрудит, как Алик, был наш папа Витя. Мама безошибочно выбрала самого лучшего.

Всю жизнь он любил только ее, нежно и кротко, отдав ей безропотно все домашние бразды. Папа был военным, командовал ракетной бригадой — "руководства" хватало на службе. Мама, с ее стальным стерженьком внутри, поднимала в шесть утра два семейства — наше и тети Лары, считала по головам и строем вела в Отраду. В 11 часов мы от вредного солнца уходили. В летние месяцы аж десять человек наезжали в нашу 15-метровую комнатку. Ранним утром детки пищали, обреченно цепляясь за подушки, но Зинкен была непреклонна. "Море тока по утрам — и ша!.." Мы ждали дождливого дня, как манны небесной.

Может, в нашем воспитании она где-то и перегибала палку. До 45 моих лет ходила с проверками в мой дом — все ли хорошо убрано. Я старательно надраивала его, как матрос палубу. Но Зинкен, словно надев белые адмиральские перчатки, проводила пальцем по воображаемой палубе и что-то обязательно находила. Я дрожала как осиновый лист перед приходами нашего главкома. Этот свой стерженек обязательности, порядка и воли к жизни она сумела вложить во всех нас. Мы не терпим неубранных постелей, грязной посуды и полов. А еще мы очень не любим дешевых сантиментов и носохлюпанья. Чувство юмора людей с золотинкой одесской крови всегда держит на плаву. Это в нас от мамы.

Судьба отца-военного бросала семью по Союзу, как мячик. Кем только не работала наша Зинкен, когда не было места по специальности! Хирургическая сестра, метеоролог на станции, учитель продленки, завбиблиотекой. Помню, как второгодники нашей ленинградской школы бегом бежали к ней в продленку. Секрет был прост. Она натащила из дома кучу интересных игр и очень доступно объясняла им математику. Ей пришлось работать до 70 лет. Папа ушел очень рано, надо было "образовывать" младшую дочь.

И в 70 она была стройна и подтянута так, что курсант, приняв со спины за девушку, долго шел за ней по улице. В 80 собирала соседских ребятишек в придачу к собственным внукам и везла эту ораву на пляж. Что в Саратове дело непростое: пляж на острове, да и до Волги далеко ехать. До 85-ти лазила в погреб за картошкой и "прибраться" там, за что мы ее очень ругали, делала всему подъезду бесплатные уколы — кому куда надо.

В 87 после микроинсульта потеряла память, узнавала только меня, плакала, что в ее квартире чужие люди — этот кошмар продолжался четыре месяца. Но это же Зинкен!.. Она восстановилась и только сетовала, что позабыла... английский язык. "А ты записывай, какие помнишь глагольные формы, и "Полиглот" глянь по телевизору", — посоветовала я. Мама посмотрела все 16 уроков Петрова, все вспомнила, сделала отличный конспект и отдала его мне: "Если б нас учили, как Петров, я разговаривала бы, как английская леди, и вас бы всех научила!"

Нет, их хорошо учили в одесском инязе. Грамматику она знала железно, книжки английские тоже читала. Навыки же разговорной речи не давали, видно, из-за "холодной войны", которая в начале 50-х цвела пышным цветом.

Зинкен даже после клинической смерти скоро пришла в себя, к удивлению врачей. И каждый день с утра она снова сидела на крышке погреба во дворе. Всегда чистая комнатка, вымытая посуда — не терпела "раскирдаш" и помогала дочери в хозяйстве до последнего. "Строила" ее, увидев малейший непорядок. Если не книжка, то журнал в руках — Зинкен была книгочей, как бабушка Мара. Нам казалось, что так будет всегда. И матриарх рода, перешагнув серьезную возрастную отметку, пребудет с нами вечно...

На поминках мы услышали много нового. Открылась *вторая* жизнь Зинкен. Соседи наперебой рассказывали, как приветливо она с ними здоровалась, говорила комплименты или критиковала наряды и внешний вид, вникала в их проблемы, советовала — была своего рода талисманом двора: "И вечно с томиком Пушкина в руках, и отжималась она до последнего..." Так рождаются и мифы. Зинкен читала только *мемуарную* литературу, а "жимы" ей — на десятом десятке! — заменил эспандер. И ведь она ела совсем не *полезную* пищу: обожала докторскую колбасу и тахиновую халву. Ослабла и устала жить она только в самом конце.

Но в легендах двора осталась крепкой, несокрушимой, оптимистичной старушкой с отменным воспитанием (ко всем обращалась на "вы"). Примером, что и в глубокой старости можно и *должно* жить полноценно.

Светлая память, мамочка, и прости за всё...

Евгений ДЕМЕНОК

Продолжение весёлых и поучительных историй, придуманных и рассказанных за кружкой пива

О необходимости быть бдительным

Николай Никифорович, высокий сухопарый седой вдовец, подполковник в отставке, после выхода на пенсию продавший дом в Одессе и купивший мезонет в Лимассоле, никогда не достаёт все письма из почтового ящика. Одно письмо он всегда оставляет для приманки.

— Рекламу к рекламе, письма к письмам. Счета можно не оставлять.

Однажды вечером, после долгой поездки в горы, он вернулся домой уставшим и машинально вынул из ящика абсолютно всё.

Целый месяц ничего не приходило.

О культурном коде нации и некоторых привычках

— Объясни мне, Иоганн, почему она так пялится?

Гончаров со злостью грохнул подносом о стол.

— Ну ладно, я понимаю, наши. Так они пялятся от бескультурья. Им никто не объяснял, что любопытство может раздражать. Но ваши-то, ваши! Культурная нация! Столп Европы! И всё равно — пялится, будто еды никогда не видела. А у нас ведь с ней одинаковые комнаты, одинаковый завтрак, мы приехали по одинаковой курсовке, и она может взять себе то же самое, что и я!

Гёте немного виновато посмотрел на Гончарова, но не совсем понял, что вызвало такое возмущение его друга.

— Кто тебя так завёл, Иван?

— Вон она, эта фрау, за три столика от нас. Она чуть голову себе не вывернула, рассматривая, что я взял себе на завтрак.

— Я не удивлюсь, если она пойдёт сейчас к буфету и возьмёт то же самое, — улыбнулся Гёте. — А вообще ты слышал о культурном коде нации? Значит, это часть нашего кода.

— Это, видимо, заразно, — пробурчал Гончаров, намазывая масло на хлеб и укладывая сверху ветчину. — Чехов вы этим тоже заразили. Рассмотрят тебя с ног до головы, будто ты чудище какое-то. Так и хочется нагрубить.

— За чехов я, пожалуй, вступлюсь. Ездил недавно в пражском метро, никто в мою сторону и не глянул. А вот ваши-то, бывшие! В Иерусалиме попробуй пройди — пялятся бессовестно, не скрывая любопытства. Особенно религиозные.

— Иоганн, не трожь святое, — ответил Гончаров серьёзно, но улыбка тронула кончики его губ. — А вообще-то — вот они, самые вежливые и невозмутимые.

Он указал на портрет завсегдатая Мариенбада, английского короля Эдуарда VII, висящий над столом.

— Ехали мы недавно с приятелем из Лондона в Брайтон поездом. Ты же знаешь эти поезда. Роскошный пульмановский вагон. Кожаные кресла, кондиционирование воздуха... И вот сидят они напротив тебя в этих самых креслах, с невозмутимыми лицами, газеты читают, словно никого в вагоне больше нет. За час ни разу по сторонам не глянут, я уж не говорю ни о каком eye contact. Как им это удаётся — ума не приложу. Бесит просто.

— Так что, выпьем за eye contact?

— За него, но с человеческим лицом!

Друзья чокнулись чашками с утренним чаем. Фрау за три столика от них посмотрела неодобрительно.

— Как там твой Обломов? — спросил Гёте.

— Ты знаешь, отлично, — ответил Гончаров. — Я часто сам ему завидую. Как-то всё у него удачно складывается — я за него месяцами корплю над бумагой, исписываю сотни листов, а он живёт на всём готовом.

— Такова участь писателя, — сказал Гёте. — Хотя не мне тебе объяснять. Ты за них всё придумываешь, а они потом и спасибо не всегда скажут. Ну хорошо, мой друг, до вечера, пойду пройдусь своим традиционным маршрутом. Да и Ульрика заждалась.

— Ты знаешь, Иоганн, я думаю, когда-нибудь тропинку в лесу, по которой ты гуляешь, назовут твоим именем. А моим, пожалуй, только диван.

Оба рассмеялись.

— Да уж, такова участь писателя, — сказал Гончаров. — Пойду возьму ещё пару сосисок и тарелку ананасов. Фрау, слава Богу, уже ушла.

О необходимости быть решительным

Аполлон Григорьевич дожил до девяноста, но так и не решил, чем хочет заниматься в этой жизни.

Решил подождать следующей.

О необходимости быть весёлым и находчивым

Двадцатилетний опыт работы в сфере туризма не прошёл для Аркадия бесследно. Отсылая резюме на соискание престижной должности, он никогда не указывал в нём места предыдущей работы.

Вместо этого он указывал места, в которых отдыхал.

Всегда срабатывало.

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы.
Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка:
ТИА "Вікна-Одеса"
(тел. +38 067-480-37-05).

Регистрационное свидетельство N 508.
Тираж 1000. Заказ N 88.
Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции:
65014, Одесса,
ул. Маразлиевская, 7.
Тел. 725-45-67,
725-53-68
www.odessitclub.org.